ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ
СПЕЦНАЗ
ГРУ
Михаил НЕСТЕРОВ
В БОЮ АНТРАКТА НЕ БЫВАЕТ

Михаил Нестеров

В бою антракта не бывает

Серия «Румын», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156248
Михаил Нестеров. В бою антракта не бывает: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21778-6

Аннотация

Спецагент ГРУ Костя Романов, он же Румын, попал в опалу. После того, как его попытались убить, он всерьез обиделся и «зачистил» покушавшихся по полной программе. Четыре года он был вне закона. Наконец руководство ГРУ столкнулось с мощной законспирированной организацией, изготавливающей фальшивые доллары в таких масштабах, что они могут подорвать экономику страны. Вот тогда-то Румыну простили все грехи и отправили на Дальний Восток – спасать ценную свидетельницу по делу о фальшивомонетчиках. А это люди серьезные, они ни перед чем не остановятся. Костя не раз оказывается в шаге от смерти, да еще его мучают сомнения: ведь свидетельница была когда-то среди тех, кто пытался его ликвидировать. Так спасать ее или тоже «зачистить»?

Содержание

Вместо пролога 5
Глава 1 7
1 7
2 9
Глава 2 12
1 12
2 14
3 16
4 18
5 19
Глава 3 22
1 22
2 24
3 25
4 27
Глава 4 30
1 30
2 32
Глава 5 34
1 34
2 37
Глава 6 39
1 39
2 41
3 43
Глава 7 44
1 44
2 46
3 48
4 50
Глава 8 52
1 52
2 53
3 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Михаил Нестеров
В бою антракта не бывает

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с любым человеком – живущим либо умершим – чисто случайно. Взгляды и мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Вместо пролога

Самарская область, 2003 год

Она нашла удобное место на возвышенности и в оптический прицел хорошо видела бетонное крыльцо коттеджа. Поводя стволом малокалиберной винтовки, Ирина изучила этот двор лучше собственной квартиры. Порой ее взгляд задерживался на партнере, и тогда она тихо поругивалась. Ее работа – прикрытие. Его – закладка мины в машину. Работа одинаково нервная, ответственная. У самой Ирины, может быть, самая короткая: нажать на спусковой крючок, если на пороге появится хозяин. Или хозяйка.

– Кретин! – выругалась она сквозь стиснутые зубы, глядя на партнера. Гольянов словно демонстрировал свои навыки некоей невидимой, но внушительной аудитории. Часть заинтересованных зрителей словно спряталась за забором, а часть заняла место рядом со снайпером. И все, включая стрелка, изумленно открыли рты. Бывший морской пехотинец отключил сигнализацию, открыл дверцу машины, поднял капот, даже зафиксировал его и склонился над мотором.

– Урод! Ты чинить, что ли, его собрался? – продолжала шипеть Ирина. – Одну, тебе нужно сделать всего одну закладку! Забыл?

У нее не хватило слов, когда она увидела, что Гольянов распластался на земле и сунул руку под крыло машины.

«Идиот! Минер-извращенец».

Прав он или нет, но он нашел причину, по которой заложить мину следовало под левое крыло. Чтобы во время взрыва пострадал лишь водитель, хозяин этого крутого «БМВ». Гольянов предвидел и «бризантный эффект». Водитель послужит преградой взрывной волне, и пассажир – невеста жертвы – не получит сколько-нибудь серьезных ранений.

Хозяин крутого «БМВ» – крутой же детектив коммерческого банка Костя Романов; правда, его должность в кредитном отделе звучала иначе: топ-менеджер. Его работа – выискивать должников и возвращать банку долги. Как он вышел на «криминальное трио» – Егор Мазинский – Денис Гольянов – Ирина Андрианова, в голове не укладывалось.

Их встреча состоялась три недели назад. Костя Романов походил на рядового бандита в деловом костюме: поджарый, с короткой стрижкой и недельной щетиной. Взгляд чуть насмешливый, исподлобья. Он воплощал собой уверенность. Это в первую очередь и взбесило Ирину. Она наблюдала за ним из-за занавески, отгораживающей две смежные комнаты в квартире Мазинского.

Гольянов и Мазинский были готовы верить каждому слову Романова: они возвращают деньги банку, а он на этом считает законченной свою работу. Он говорил уверенно, и было видно, что эти слова он произносит уже не в первый раз:

– Моя работа с банком держится на джентльменском договоре: деньги будут, люди – нет.

Старый как мир договор. Глядя на этого парня, хотелось верить ему: он выполнит взятые на себя обязательства, определив время для выплаты долга в четыре недели.

Прошло ровно три.

Гольянов прикрепил мину с внутренней стороны крыла, вывел провода в моторный отсек. Утром водителя будут собирать по кускам.

Все. Наконец-то Гольянов закрыл капот, дверцу, мешковиной замел следы. Перепрыгнул через забор и вскоре присоединился к девушке.

– Ну что, разбегаемся? – спросил он.

– Как и было условлено, – ответила Ирина, пряча винтовку в чехол. – Но сначала нужно убраться из этого чертового места.

Они уходили просекой, в конце которой их поджидала девятая модель «Жигулей».

Именно в то время, когда Ирина завела машину и тронула ее с места, к заминированной машине подошла овчарка. Обнюхав машину, служебно-розыскная собака стала в стойку и до утра не тронулась с места.

Глава 1
Адресная поставка

1

Москва

«Адресная поставка головной боли», – сморщился полковник Михеев, усмехнувшись над этим определением. Его он примерял на каждого, кто не мог выразить свою мысль четко, понятно, как учили в школе.

В очередной раз окинув взглядом отзывчивое тело официантки, он заказал себе еще пива.

– Есть что-нибудь полегче? – спросил он.

Она улыбнулась и показала игривым взглядом: сейчас что-нибудь придумаем. Едва Александр Михеев появился на пороге этого заведения, как весь обслуживающий персонал ресторана предупредили: «Контора. Шеф управления МВД по ценным бумагам. Будьте повнимательнее с клиентами». И официантка в течение получаса изучала полковника, чья должность официально звучала намного длиннее: *начальник отдела по прогнозированию преступлений в сфере экономики, связанных с подделкой и распространением поддельных ценных бумаг*. Она даже перебросилась парой фраз с подругой:

– Мне кажется, его воротит от нашего рагу. Отказался от коньяка, давится пивом.

– Не хочет обидеть своего приятеля, – ответила более наблюдательная подруга. – Потому что приятель заказал рагу и коньяк.

Алексей Страхов походил на адвоката. Причем, заметил Михеев, защищающего самого себя. Михееву пришла мысль: как-то не в духе времени они рассуждают, не как устроиться в этом мире, а как он устроен. И решил взять эту фразу на вооружение.

Он в очередной раз пропустил начало выступления майора Страхова, видимо, готового пожизненно таскать на своих плечах одинокую звезду.

– Конечно, я работаю за тридевять земель от столицы – чего толкового ждать от провинциала? Ты уверен, что в том же Благовещенске люди мыслят по-другому. Там если и ругаются, то по-китайски, если и пишут на заборах, то нецензурными иероглифами.

– Куда это тебя занесло? – опешил Михеев – О чем мы говорим? Я могу пофилософствовать, но только за рюмкой хорошей водки, а не под это пойло. – Без пяти минут генерал-майор, уже получивший представление на звание, скривился на кружку пива, где пена пробрела тошнотворный желтоватый оттенок.

– Сам выбрал.

Михеев выругался и постарался вернуться к началу разговора: витиеватость и утомительное многословие Страхова начинали выводить его из себя.

– Леша, представь, что я – *скандально*известный полковник, – сделал он ударение. – Так вот, делай мне любое предложение в лоб. *В лоб!*Представь, что у тебя такой узкий круг знакомых, что, кроме меня, тебе и поговорить-то не с кем.

– Я тебя не тороплю, – как сквозь толщу стен камеры-одиночки доносился до Александра Васильевича голос человека, который настаивает, что их объединяет крепкая студенческая дружба. – В Москве я пробуду еще пару дней. Вот мой номер сотового. Надумаешь, сбрось мне сообщение.

– Типа «меня зарезало на Патриарших прудах?» – Михеев коротко хохотнул. – Ей-богу, что-то подобное произошло совсем недавно. Моя соседка замучилась подбирать мусор за

неряшливыми соседями – баки стоят напротив ее коттеджа. И вот она попросила меня отпечатать на принтере: «Пожалуйста, не сорите». Напиши, говорю, от руки. И она написала: «Перестаньте мусорить, сволочи!».

– Так это вложено в мое предложение. Прими его и больше никогда не увидишь соседей по коттеджу, отгрохаешь себе виллу.

– Начни сначала, – попросил Михеев. – Ты что-то говорил о том, чтобы я повлиял на следователя, который в незапамятные времена работал под моим началом.

– В Благовещенске он работает следователем всего третий месяц, – подхватил Страхов. – Еще не сошелся с людьми, которые подсказали бы ему, от кого можно получить взятку. Вот ты и намекни ему, что за закрытие дела по подделке акцизных марок он получит столько-то. Пойми, мне необходимо сохранить цех, где налажено производство не только поддельных «акцизов». Ты даже не представляешь, какая перспектива нам светит.

– Перспектива у вас одна, – непрозрачно намекнул Михеев. – А тебе дам совет: пока начальник типографии ходит под подпиской о невыезде, договаривайся с ним. Пусть берет на себя не только незаконное производство акцизных марок, но даже организацию вывоза продукции с секретного объекта. Предлагай ему все, что у тебя есть. Продай квартиру.

– Какую квартиру, о чем ты говоришь?! Счет идет на виллы! В Подмосковье, в Испании.

– Это вы на марках так поднялись?

– Марки – ерунда, это начальный капитал, китайцы хватали их тоннами. – Алексей придвинул к полковнику стодолларовую купюру. – Посмотри на основную работу. Это полтора года напряженной работы. Отдай эту купюру на экспертизу или попробуй обменять в банке. Это не чеченские фантики, в нее вложено много труда. Кто лучше тебя знает, в какой точке можно сбросить подделки? Давай взглянем на это из окон твоего двухэтажного коттеджа. На одни только эти окна с твоей-то зарплатой нужно горбатиться всю жизнь. Короче, Саня, я предлагаю сработать по правилу: «Если ты хочешь чего-то, готовься заплатить за это».

– Сполна.

– Чего?

– «Готовься заплатить сполна». Я знаю это правило.

Короткая пауза, и полковник Михеев спросил:

– Как насчет объема продукции?

Страхов с облегчением вздохнул:

– Бумагу для подделок я могу заказывать тоннами. Из тонны получается миллион банкнот.

– Знаю. Дальше.

– К тому же купюры изготавливаются не в подвале, а на производственной линии, – закончил Страхов. – Дай мне надежного человека, с которым можно поговорить более откровенно, нежели с тобой.

«Он заранее строит пирамиду, – одобрительно подумал полковник. – Практичный человек. Наверное, еще в годовалом возрасте распознал в докторе Айболите обычного ветеринара».

– Банкноту забери. – Опытный полковник не стал брать фальшивку в руки, но на взгляд она показалась ему качественной. – Покажешь ее специалисту из моего ведомства. Где он сможет найти тебя, скажем, через час?..

2

– Очень чистые деньги, очень.

Полковник Михеев отметил, что его помощник «по щекотливым вопросам» в звании капитана был сейчас похож на дегустатора нового наркотика, вкатившего себе приличную дозу. Олег Симагин даже плечами повел, будто по его телу прошла волна кайфа.

– В пунктах обмены валюты такие доллары пройдут со свистом, – закончил он.

Когда капитан Симагин сообщил, что отданная им на проверку стодолларовая купюра аутодентичная, то есть подлинная, изумлению Михеева не было предела. «Как же так», – думал он, заведомо зная, что это подделка.

– Кто проверял? – живо поинтересовался он.

– Варенцов из управления по экономическим преступлениям, – объяснил капитан, помня наказ начальника: в своем ведомстве эту купюру не светить. – Пощупал, понюхал, посмотрел на свет. У него особый нюх на фальшивки.

– А теперь пусть отдаст в лабораторию.

И вот долгожданный ответ:

– Олег, а как ты объяснил Варенцову происхождение этой купюры?

– Поймал бомжа, незаметно сунул ему в карман фальшивку, в отделении ее нашли, оказалась то, что оказалось.

– Варенцов сообщил «наверх»?

Олег помотал головой:

– Я попросил его не торопиться.

– Меня сейчас мучают два вопроса. – Полковник пристально вгляделся в подчиненного. – Что лучше, официально выйти на подпольный цех Страхова или пойти другим путем?

– Прикрыть производство, но прежде выжать из него максимум полезного?

– Да, – кивнул шеф.

– С такой чистотой банкнот можно поломать голову, – откликнулся Олег. – Детали проработаны один в один: наименование эмиссионного банка, номера и серии. Достоинства цифрами и прописью, основной рисунок – то есть портрет, лицевой и обратной стороны и – что больше всего взволновало нашего друга Варенцов, – стопроцентно выполненная защита от подделок.

– Водяной знак и магнитные метки?

– Плюс цветные волокна, внедренные в бумагу, включая и те, что видимы в ультрафиолетовых лучах, – добавил Олег. – Конфетти, защитные нити, микротекст, люминесцирующие рисунки, защитная нить и подпись. Страхов и его парни постарались на славу. Даже бумага, как и положено, содержит до семидесяти процентов чистого хлопка – не деформируется, не вытягивается. Только в лаборатории указали на несущественные детали, по которым и сделали заключение: банкнота фальшивая.

– Копия этого заключения должна лежать у меня на столе уже завтра, – потребовал Михеев. – С ее помощью Страхов сможет внести окончательные изменения в технологию.

Вот тебе и Леша. Сволочь! – добродушно выругался полковник, думая о майоре, как о талантливом сценаристе. Он грамотно построил предварительный разговор с полковником-режиссером, на чью долю выпадал подбор актеров. Продавал свою продукцию так, чтобы Михеев взял пьесу-подделку, как не берут в руки туалетную бумагу, а потом еще и выразил дикий восторг: бумажка оказалась под рукой вовремя.

С такими чистыми подделками опасно влезать на рынок фальшивых бумаг, какого бы достоинства они ни были: те же доллары, акцизные марки или акции крупных финансово-промышленных компаний.

Сегодняшний день на вкус напомнил Михееву черную икру, но лишь при закрытых глазах, – стоило открыть их, и взору представала бутафория из балтийской селедки, лука, яиц.

«Тороплюсь», – подумал полковник, оглядывая будто впервые тощую, неспортивную фигуру Симагина и его ушастую голову двоечника. «Двоечник» отделывал сейчас свою трехкомнатную квартиру на европейский манер – издержки бурлацкой работы в отделе по ценным бумагам. Парень в икре по уши.

– Плутать по собственным извилинам не вредно, – вслух высказался Михеев. – Нужно смотаться в Благовещенск, переговорить со следователем и снять обвинения с начальника типографии. Для нас он – одна из двух частей матрицы.

Помощник ушел. Михеев, оставшись в своем кабинете один, включил фонограмму разговора между Симагиным и Страховым, сделанную капитаном по приказу начальника.

*** * ***

Страхов: Идею мне подкинул коммерческий директор бумажно-целлюлозного комбината. Дело было так. Одна очень крупная нефтяная компания, планируя выпуск своих акций, решила установить на них высокую степень защиты наряду с художественным оформлением. Для этого необходимо было, во-первых, определиться с качеством бумаги. За основу взяли состав долларовых банкнот, где хлопок составляет до семидесяти процентов. Так высоко лезть они не стали, в технологическом обосновании записали пятьдесят процентов, а пилотный заказ отдали обнищавшему Артемовскому целлюлозному комбинату. Сам процесс изготовления акций планировали передать швейцарским специалистам. В типографию ЗАО «Торговый дом „Багратион“ бумага поставлялась именно с Артемовского комбината. А начальник „багратионовской“ типографии был хорошо знаком с коммерческим директором Артемовского комбината. Они долгое время прокручивали простую операцию: бумажный комбинат отписывал сто тонн бумаги, а на „Багратион“ приходило на порядок больше.

Симагин: Я понял: разница делилась согласно договоренностям. А как ты попал в долю?

Страхов: Как начальник охраны объекта. К тому времени начальник типографии уже начал штамповать у себя в цехе фальшивые «акцизы» и толкать их косоглазым – японцам, корейцам, китайцам. И чуть не погорел, наткнувшись на моих бдительных подчиненных.

Симагин: Он пробовал откупиться?

Страхов: Я прикрутил его и вошел в долю. Потом взял на себя поставку сырья, наладил контакт с коммерческим директором Артемовского комбината. Затем произошло значимое для всех событие. Представитель целлюлозного комбината проговорился о пилотном заказе нефтяной компании. После они у себя на комбинате немного изменили технологический процесс, подняв уровень хлопка до семидесяти процентов, сменили валики и еще что-то, точно не знаю. Для того чтобы невозможно было установить происхождение бумаги. И вот на «Багратион» пришла первая партия сырья – тонна, будем говорить, «хлопка». К этому времени в типографии появились штампы, краски и прочее.

Симагин: Пару слов о «Багратионе».

Страхов: «Багратион» – предприятие оборонки. Выпускает продукцию по рассекреченным технологиям.

Симагин: Вернемся к производственному процессу.

Страхов: Пока шла отладка оборудования, запороли три четверти сырья, зато оставшаяся часть... Результат всех наших усилий у тебя в руках. Не достает основного – рынка сбыта. Идти с предложением в криминальную среду – тут же приберут к рукам все

производство и производственников, а руководителей подпольного цеха окунут с головой в темные воды Амура. Для чего? Для того, чтобы поставить во главе цеха своих людей и контролировать все до единой бумажки. И вот теперь, я думаю, обвинение, предъявленное начальнику типографии, нам всем на руку. Осталось только общими усилиями снять с него это обвинение и возобновить процесс.

* * *

Прежде чем окончательно скрепить сделку рукопожатием и вылететь в Благовещенск для встречи со следователем, Михеев спросил Страхова:

– Объясни, как ты собираешься поставлять продукцию в Москву. Я не хочу привлекать сюда еще и транспортников – к работе я привлек людей из трех отделов МВД.

– Нужно открыть три или четыре фирмы-однодневки, на чьи адреса и будет производиться адресная поставка.

При этих словах полковник улыбнулся, вспоминая унылое утро и внезапный приступ мигрени.

– Договорились. Поставка лежит на тебе.

– Равно как и производство, – усмехнулся Страхов.

«Как-то сумбурно все получилось», – подумал Михеев. Однако первая же поставка фальшивок из Ленинска-18, где на оборонном предприятии Страхов и начальник типографии «Багратиона» наладили серийный выпуск подделок, резко изменила ход его мыслей.

Глава 2
С глаз долой

1

Самара, три года спустя

Вот и долгожданный звонок в дверь. На ходу поправив локон еще влажных после душа волос, Ирина открыла дверь.

В тот вечер она была одна. Игорь никогда не опаздывал, иногда поджидал Ирину, если она задерживалась, в сквере напротив дома.

Улыбка сошла с лица Ирины, когда она увидела перед собой высокого мужчину лет сорока пяти. На его костистом лице витала доброжелательная, извиняющаяся за неуместный визит улыбка; глаза лишь наполовину изучающие, наполовину равнодушные.

Дамир Гурари словно сбросил маску, его лицо приобрело откровенную брезгливость – к книжным полкам, к немодной дешевой мебели, к самой хозяйке, наконец.

– Я не пойму одного, – начал он красивым, хорошо поставленным голосом адвоката, стоя на границе зала и спальни. Кровать-полуторка словно приобрела качества допотопного и раздолбанного грузовика, на котором намеревались увезти его сына. Дамир, едва взглянув в «кузов», убранный полосатым покрывалом, то ли машинально, то ли демонстративно отошел. – Не пойму, что Игорю вообще тут нравится. Включая тебя. Может, ты ответишь мне?

Хозяйка молчала, теребя в руках пояс халата. Изредка она бросала короткий взгляд на известного адвоката.

– Да, разруха толкает на сумасшедшие поступки. Мой сын заразился, едва окунувшись в эту, с позволения сказать, атмосферу. Теперь к главному, моя дорогая.

Адвокат закончил хождение из угла в угол, остановился в центре комнаты и продолжил:

– Я не верю, что Игорь по собственной инициативе решил оформить ваши с ним отношения – ему бы и в голову такое не пришло. Вся инициатива пошла от тебя. Таким вот старым и проверенным способом ты хочешь сбежать от разрухи? Ничего не выйдет, милая. Если у Игоря своих мозгов маловато, за него подумают его родители. Они не допустят даже пустяковой связи с такой дамой, как ты. И мне урок: в четырнадцать лет мальчик думает, насколько глуп его отец, а когда становится совершеннолетним, понимает, что за четыре года отец кое-чему научился. Ваша связь длится несколько месяцев, а я только сейчас понял, что сын давно стал взрослым.

– Я не знаю, что сказал вам Игорь.

Адвокат усмехнулся в очередной раз. Для него Ирина, одетая в короткий, легкомысленный халат-кимоно, была обычной девчонкой, особенно сейчас: с влажными волосами, без макияжа, отчего лицо ее казалось юным и беззащитным.

– Вы прибыли в наш город налегке, совершив бессмысленное турне по городам Поволжья – Волгоград, Саратов, Самара, наконец. И нигде не снискали славы. – Дамир принял официальный тон. – Вы прибыли, как в советские времена, с пачкой книг под мышкой и парой чемоданов в руках. Нет, простите, я забыл чехол малокалиберной винтовкой и саму винтовку. Если у себя на родине вы блеснули в биатлоне, то в Самаре вам ничего не светит. Здесь правят бал другие законы и другие люди. Вот откуда вы прибыли, туда и возвращайтесь: в Сибири вам самое место. Я никому не позволю склонять мое имя. Посредством сына – тем более.

Видимо, Гурари вполне насладился игрой лицевых мышц девушки и продолжил:

– Вот что, Ирина Владимировна, на выбор у вас два варианта, один из них мне видится не таким уж плохим. Лично я советую не затягивать: увязывайте свои книжки, пакуйте чемоданы, снимайте с предохранителя винтовку и отправляйтесь отстреливать «пушных зверьков» типа моего сына в свой родной город. Если вы задолжали за эту квартиру хозяйке, я согласен заплатить. Это вам для скорости. – Адвокат бросил на стол тонкую пачку долларов. – Если вы передумаете, все равно уедете – чуть позже. Но уже под другую музыку. Не ошибитесь в выборе и уезжайте под «Прощание славянки».

Ирина опустилась на стул. В голове пронеслось: «Приземленная реальность. Так вот ты какая». Потом она решительно поднялась и сказала самой себе, что ничего страшного не произошло, все это не ново, в какой-то степени уже стало традиционным, а традиционное не может быть новаторским.

«Маленько не к месту», – уже провинциально подумала она. И эта мысль для нее стала откровенно освобождающей. Она разом заплатила долги – большому городу, отцу-адвокату и его сыну. Отдала долг улицам, которые принимали провинциалку с чувством превосходства, словно были персидскими коврами, а не заплеванным асфальтом.

Взгляд Ирины зацепился за зеленоватые купюры. Она разложила на столе долларовый пасьянс, заодно решая денежный вопрос со школой. «Прощание славянки». Она ловит на себе насмешливые взгляды, подписывая бумаги в бухгалтерии районо, библиотеке (не пришло ли на ум упаковать вместе со своими книгами и библиотечное чтиво?), ждет, когда в руки сунут тысячу с небольшим в рублевом эквиваленте? Ну уж нет!

Так, это взяла, это взяла. Оставить бы обиду. Все же выгоняют ее, как наблудившую сучку.

Обгадилась, подытожила Ирина этот промежуток времени и давая определение всем: себе, Игорю, Дамиру, учителям, сменившим, словно специально для нее, деревянные указки на современные лазерные целеуказатели.

Бежать сегодня не получится. Только ехать – завтра, поездом. А лучше было бы оставить столицу Приволжского округа три года назад. Она откололось от Мазинского и Гольянова. А на вопрос Егора: «Куда ты?» – ответила в стиле Остапа Бендера: «Подамся в учителя. У меня диплом учителя по физкультуре. Может, подцеплю студентика с богатыми предками». Подцепила.

2

Верхние Городищи

– Вертолет ждете, товарищ прапорщик?

Прапорщик Шайкин устал огрызаться. А еще устал глазеть по сторонам, ожидая «разрешения конфликта», как назвал возникшую нестандартную ситуацию острый на язык рядовой Ананьев. А глазел начальник этапа на уймищу грузовых и пассажирских составов, растянувшихся на многие километры в почти абсолютной тишине – ни рева локомотивов с эффектом сизой и тошнотворной дымовой завесы, ни аккомпанемента «квадратных» колес. И так уже третьи сутки. Прапорщик отвел тоскующий, как у выброшенной в конце дачного сезона собаки, взгляд от «железных гробов». Он устремил его в безграничное синее небо, только на востоке и западе кучерявившееся неопрятными, как на плешивой голове старца, белесыми лохмотьями.

В таком злобно-лирическом настроении он поднялся в вагон с этапированными, взял рацию и снова вышел на воздух.

До рядового Ананьева донеслась привычная ругань начальника:

– Ну так разгоните забастовщиков!.. Вы у меня спрашиваете? Напором воды из пожарных машин. Я знаю, что вы не президент.

Прапорщик полуобернулся на Ананьева и согнутым пальцем постучал по рации:

– Они там никто. Но мы-то люди!

И возобновил перепалку в эфире.

– Вы дождетесь – можете передать мои слова «наверх»: у меня восемь вооруженных караульных. Одного оставлю охранять вагон с осужденными, а с другими перестреляю всех стачечников. Ах, они уже лежат на рельсах. Ну, тогда я их подниму на ноги. Или натравлю на них осужденных.

Прапорщик осекся: начал нести всякую ахинею. Начальству хорошо у себя «наверху», на «нижних» – ноль внимания.

– Берите пример с лохотронщиков, – дерзнул посоветовать Шайкин, выходя из эфира.

– Вертолета не ожидается?

«Как же мне надоел этот Ананьев!.. Как и я начальству, никакой разницы».

– А ну-ка, воин, бери себе в помощники Айдарханова и вперед – за водой. До кучи не хватало бунта среди заключенных, – пробурчал Шайкин. – Хотя черт с ними, пусть бастуют, объявляют голодовку, присоединяются к другим под лозунгом «Мир-Дружба-Жвачка», или «жрачка», чего, собственно, и требуют бунтари, которые, если верить начальству, легли на рельсы, и их не отличишь от грязных шпал. Выделенные на время этапа пайки как на осужденных, так и на конвойных, закончились сегодня утром. В обед будут питаться святым духом.

Шайкин только что не потряс кулаком, проклиная бастующих рабочих, перекрывших Транссиб, задержавших почтовый поезд, к которому был прицеплен вагон с заключенными.

Он посторонился, пропуская конвойных с флягой. Воду брали в полутора километрах от Верхних Городищ.

– Эй, Айдарханов! Куда ты с автоматом-то? Дай-ка сюда, гулупый чурбан, – с восточным акцентом выругался Шайкин. – А если б у тебя был миномет?.. Уф! – выдохнул он, жарясь на сибирском солнце. А в вагоне вообще ад. Как караульные только выдерживают?

А вот осужденным не привыкать, особенно четверым, идущим на Верхотурье на строгий режим. Самый малый срок (двенадцать лет) у Хабибуллина, самый большой у Сергея Каменева – восемнадцать.

Ничем не лучше Девяткин – срок заключения четырнадцать лет. Роман Юшенков, подельник Каменева, осужден на пятнадцать долгих и томительных. Была бы воля прапорщика, он бы подпалил вагон и воспользовался пунктом из указа по этапированным: «В случае пожара в вагоне осужденные выводятся и к ним применяются меры, как при попытке к бегству».

«Ко всем без исключения», – от себя добавил Шайкин, помня и о десятке осужденных на общий режим.

Прошло два часа, прапорщик снова вышел на связь. Оказалось – вовремя. Во всяком случае, полковничий чин из Главного управления исполнения наказаний сообщил, что сам собирался вызвать начальника этапа.

Слушая, прапорщик Шайкин не знал, хорошо это или плохо – разместить на время осужденных в камерах ближайшего ОВД Верхних Городищ.

Морока.

Случись что, голову снимут с него, прапорщика Шайкина, тридцати двух лет от роду.

Не приносило успокоения и то, что подвал отдела внутренних дел, по словам начальника местной милиции майора Веретина, более чем надежный. Все это слова, сказанные местным начальником со злостью: кому охота принимать у себя непрошеных гостей с багажом, перевалившим за сотню лет?

Однако деваться некуда. Можно брать воду и пищу в тех же Городищах, но вот в туалет воды не натаскаешься, тяжелый дух из вагона уже распространился на всю округу.

– Жди наряд милиции, – выслушал Шайкин приказ начальника. – Приедут на двух машинах. И аккуратно там!

– А это что, постановление? – Дерзость еще не вышла из прапорщика. Но на крутых радиоволнах она потеряла силу и форму, и до берега, где неподвижными валунами возлежали бесчисленные гуиновские работники, доползла лишь реденькая пена, больше похожая на плевок. И на нее никто не обратил внимания.

3

– Сто долларов не разменяете?

Проводница лишь мельком взглянула на молодую женщину из пятого купе. Видела она таких вот симпатичных с приклеенными, располагающими улыбками, именно на них пару раз купилась, причем купюры тоже были в сто долларов.

– Сходите в вагон-ресторан, – сухо посоветовала она.

– Он уже второй день закрыт – воды нет, – тихо, словно закрытие ресторана ее вина, ответила Ирина.

– Соседи по купе, – перечисляла проводница, не исчерпав, однако, полного списка: в полутора километрах населенный пункт Верхние Городищи, с магазинами, коммерческими ларьками и парой сберкасс.

«Пора прекращать диету». – Ирина в последний раз оглядела себя в купейном зеркале: голубоватые с желтизной тени под глазами она умело скрыла под крем-пудрой; волосы намочила остатками воды из-под крана и расчесала. Эта своеобразная имитация набриолиненных волос сделала ее похожей на Мари Фредрикссон из шведского дуэта «Роксетт».

Выходя из вагона и оглядывая, как и многие пассажиры, бесконечные пассажирские и грузовые составы, она в очередной раз подумала, что доллары нужно было менять в Самаре перед отъездом.

По пути ей попадались пассажиры; она ловила обрывки фраз: «все продукты скупили», «как перед войной». И невольно ускорила шаг, действительно боясь увидеть пустые прилавки.

Проходя мимо почтового поезда, один из вагонов которого оказался с зарешеченными окнами, Ирина увидела военных, в основном до двадцати лет, демонстрирующих жиденький загар.

Отворачиваясь от солдат, Ирина непроизвольно глянула на зарешеченные окна вагона. И в одном из них сквозь пыль и паутину между двойных стекол увидела чьи-то внимательные глаза. Лица не разобрала, одни лишь глаза – серые, щедро присыпанные тоской. Может быть, были они иного цвета, голубые или зеленые, но та же пыль, через которую прорвался взгляд заключенного, придала им мышиный оттенок.

Она пожалела этого человека, сидящего в тесной, раскаленной под осенним солнцем темнице.

* * *

«Какая барышня!» – Сергей Каменев потер небритый подбородок. Он видел женщин и красивее. Недавно по шпалам, как по подиуму, прошла высоченная интересная девица. Но вот эта девушка, которую Сергей провожал взглядом, чем-то напомнила ему младшую сестру. Ему почему-то хотелось, чтобы Маринка походила на эту девушку, чтобы одевалась так же, носила такую же прическу, имела схожую походку:

Сергей Каменев знал, откуда такие мысли. Если ему и суждено встретиться с сестрой, ей будет за сорок. Столько, сколько ему сейчас.

Сергей решил дождаться возвращения Ирины, чтобы напоследок впитать в себя облик незнакомой девушки. И сильнее прижался к мелкоячеистой решетке.

Поведение сокамерника не ускользнуло от жилистого с раскосыми глазами Мусы Хабибуллина.

– Серега, просочиться хочешь?

Каменев оторвался от решетки, чей рисунок отпечатался розовыми полосками на его лбу.

– Ба! Да ты весь в клетку, – рассмеялся Муса. Он сел на нарах, подперев подбородок обеими руками. – Мне тоже терять нечего. Подвернется случай – сдерну. Неплохо было бы, если б нас в туалет стали выводить хотя бы к насыпи.

– Если и будут, то по одному и под присмотром восьми стволов, – заметил Сергей и покачал головой: – Бесполезно. Я бы почувствовал, когда можно бежать.

Он снова глянул в окно: не пропустить бы незнакомку. Хотя рановато. По обрывкам разговоров между караульными выходило, что до Верхних Городищ полтора километра. Девушка уходила налегке, как большинство шествующих мимо пассажиров, значит, должна вернуться.

Каменев достал носовой платок и через решетку протер стекло.

4

– Ну что, привезли? – майор Веретин, завидев милицейский «УАЗ» из окна своего кабинета, спустился, чтобы лично «поздравить» с возвращением малолетних членовредителей.

– Так точно, товарищ майор! – отрапортовал водитель, первым покинувший машину. – Заштопали.

– Всех? – осведомился начальник Верхнегородищенского ОВД, готовый встретить несовершеннолетних правонарушителей отборным сибирским матом. «Додумались, уроды!» Он отправлял в поликлинику пятерых малолеток, угнавших накануне автокран у одного фермера, чтобы продать в соседнем поселке другому предпринимателю.

Приблизительное знание закона подсказывало тридцатитрехлетнему майору, что покусившихся на собственную жизнь нельзя снова сажать в камеру, а надо поместить в санчасть, привлечь к работе психолога. А тут единственный толковый психолог – фельдшер Быков да ветеринар-громила.

– Всех зашили? – повторил вопрос Веретин.

– Троих. Остальных просто перевязали.

– Самого «тяжелого» ко мне в кабинет, – распорядился майор.

Сидя за своим столом и бросив на его исцарапанную поверхность оригинальное орудие вскрытия, спросил у тринадцатилетнего паренька: – Твоя работа? Твоя умная голова додумалась сделать из фильтра режущий предмет?

– А чего тут думать-то? – усмехнулся подросток. – Подпалили фильтр да расплющили его ботинком.

– А сигарету с фильтром и спички где взяли?

– В камере нашли.

– Ты мне горбатого не лепи. Камеры каждый день проверяют. – Веретин взялся за ручку и бумагу. – Значит, вы вскрывали себе вены только потому, что вам не дали закурить, да?.. Так и запишем. А сейчас топай в камеру, к дружкам своим порезанным.

Паренек хоть и морщился от боли, но сумел изобразить на лице ухмылку: камеры-то проверяют, но вот крайнюю доску от нар еще никто не додумался приподнять. Кроме него. А под той доской обнаружился подпол, ведущий к соседней камере: минуя стену, которая не была несущей. Именно под нарами пацаны нашли чирок со спичками и бычок с фильтром. Они пожалели о том, что в той камере под номером один, под которую они сумели пробраться, никого не оказалось. А в третью, что по другую сторону их камеры, не попадешь – стена до самого пола. А курить там есть: узкая щелка, через которую не пролезет и пресный блин, показала малолеткам шестерых, ожидающих конвоя беглых солдат. Те курили вволю, их даже выводили в туалет, избавив подвальное помещение от лишней вони параши.

5

– Меняем валюту? – осведомился Климов, здоровенный под два метра сержант милиции. Он подошел ближе к киоску и заметил вместо испуга на лице Ирины лишь легкую провинность.

– Да. Сбербанк уже закрыт. Вернее, как мне сказали, валютные операции там сегодня проводятся только до половины первого. Я с поезда, – добавила она, словно намереваясь унять возникший у сержанта профессиональный интерес.

– С поезда ходят толпами, скупают даже спички, только расплачиваются, как и положено, рублями. Я могу проводить вас в одно место, где валюту принимают круглосуточно.

Климов допустил ошибку, схватив Ирину за руку. Ему пришлось тащить нарушительницу закона чуть ли не волоком. И только в непосредственной близости от отделения милиции она перестала сопротивляться.

Климов провел ее в отделение через запасной выход. Открыл дверь пустующего кабинета для допросов, втолкнул нарушительницу внутрь и даже не задался вопросом, скольких «нарушительниц» он проводил в кабинет схожим образом. Зашел следом и закрыл дверь изнутри. Усевшись за массивный стол, он привычно начал играть роль дежурного следователя. Он не раз насиловал деревенских дур и городских умниц в этом кабинете. Недавно понял, что прелюдия – игра в следователя и нарушителя, больше похожая на игру в доктора и пациента, – доставляла ему удовольствие.

Из ящика стола он вынул лист бумаги, приготовил ручку. Освободил нагрудный карман рубашки от стодолларовой купюры и посмотрел ее на свет.

– Откуда она у вас?

– Что значит откуда? – Ирина пожала плечами. – Например, я могла приобрести ее в самарском банке.

– Где ваш билет?

– Он у проводника. Корешок билета остался на столике в купе. Рядом со стаканом с чаем.

– Понятно. Сумку на стол.

Ирина послала взгляд на свой паспорт, за чье изучение взялся дотошный сержант.

– Поймите, я ехала в поезде, все мои вещи остались в купе.

Она впервые встречала безграничную тупость правоохранительных органов в лице этого человека. Его ограниченная власть была безгранична здесь, в Верхних Городищах, «отдельно взятом сибирском регионе».

– Послушайте, как вас зовут? – Ирина сложила руки на груди. – Я не сделала ничего противозаконного. У меня закончились продукты, деньги – я говорю о рублях, а доллары поменять негде. Я пыталась обменять их в сберкассе. Ну, хорошо. Я могу заплатить штраф.

– Это после того, как я составлю протокол, передам дело в суд, – сообщил Климов, готовый составить протокол и за курение в неположенном месте. – Завтра судья должен быть на месте.

– Я что же, – осторожно спросила девушка, – должна буду провести ночь в отделении милиции?

– Конечно. Камеры в подвальном помещении относятся к нашему ведомству.

– Вы не сделаете этого. – Ирина покачала головой.

– Я – нет. Я только отдам распоряжение. А сейчас составим протокол. Я спрашиваю, вы отвечаете. Фамилия?

– Андрианова.

– Имя отчество?

– Ирина Владимировна.

– Год рождения?

– 1978-й.

– Кем и где работаете?

– В данное время я безработная. Неделю назад уволилась из самарского госуниверситета. Работала учителем физподготовки.

Ирина отвечала на вопросы и чувствовала себя так, как, наверное, не чувствовал себя тот человек за решеткой, чьи глаза она видела по пути в город. И вот его взгляд, взгляд заключенного, словно в насмешку, привел и ее пусть к кратковременному, но заключению.

Удивлению ее не было предела, когда сержант предложил ей раздеться.

– Женский персонал отдела мы ограничили уборщицей, – объяснил Климов, уже возбужденно дыша. – Я проверю только одежду – брошки, булавки, иголки, металлические части бюстгальтера. Кладите одежду на спинку стула. – Видя что она медлит, Климов поторопил: – Либо при мне предъявляете свои вещи на досмотр, либо в присутствии дежурного и еще пары сотрудников отдела. Но уже в подвале. Я иду вам навстречу.

Ирина расстегнула блузку. Ее удивляло, что в этой комнате она видит оклеенные обоями стены, а не барачные, поеденные жуком доски.

Климов взял в руки бюстгальтер, подержал его в открытых ладонях: и поднес к лицу.

Одним широким махом вперед оставил стол позади себя и наотмашь рубанул Ирину по шее. Толкнул ее к двери, и, когда она, ударившись головой, отшатнулась, Климов развернул ее обратно к столу. Вывернув ей руку, он прошептал:

– Закричишь? – Он вдруг рассмеялся. – Привлечешь внимание еще пары сержантов и пятерки рядовых. Животом на стол, сука!

Ирина вскрикнула, когда Климов резко дернул ее руку вверх. Он так и держал ее – одной рукой. Другой расстегивал ремень на своих брюках, потом на джинсах Ирины. Вынув из кармана нож, он обнажил лезвие и разрезал на женщине трусики. Сложив нож, убрал его в карман, спустил брюки. Сначала одной ногой, затем второй, ударяя по щиколоткам, он раздвинул Ирине ноги. Наконец, почувствовав, что ей уже незачем сопротивляться, отпустил руку и сжал ее бедра.

Он насиловал ее с закрытыми глазами. Лишь во время острых сокращений мышц он, продлевая удовольствие, отрешенным взглядом смотрел в пыльное зарешеченное окно, представляя что угодно, только не то, чем он занимался. Потом он снова смотрел на голую спину жертвы, резко поднимал ее за плечи, заглядывал в глаза, покусывал шею. Снова отпускал. Снова смотрел в окно.

Губы его задрожали, рот приоткрылся, по плечам и спине пробежал приятный холодок. Вот сейчас. Но он снова задержал оргазм на несколько мгновений.

Он долго не отрывался от Ирины, притянув ее к себе с новой силой.

Ему показалось, он мог стоять так вечно. Но вот в коридоре кто-то позвал его по имени.

– Сейчас! – крикнул он хрипловатым голосом. Бросил Ирине бюстгальтер и пошел к двери, на ходу поднимая и застегивая штаны.

– Демонстрация прибора на выставке? – рассмеялся его товарищ, заглядывая в кабинет. – Кто такая? *Познакомишь?*

– Заходи, – Климов посторонился.

– Не сейчас, – с сожалением на лице отказался товарищ. – Нас шеф вызывает. Слышал про застрявший этап?

– Ну?

– По приказу сверху перебрасываем заключенных в наш отдел.

Климов выругался. Прикрикнул на Ирину:

– Чего ты там копаешься? Сумку, документы, деньги оставь. Дежурный следователь будет тобой заниматься. На выход, сука, быстро! В подвале пока посидишь.

Он схватил ее за волосы и прошипел в самое ухо:

– Бесполезно жаловаться. Здесь ты ничего не докажешь, вдобавок опорочишь всю милицию. Короче, автобус «тута» и «здеся» на маршруте не останавливается. Давай, пошла, шалава!

Ирина слышала, как сквозь толщу воды.

– Смотрю, телка смазливая тащится, я за ней. Уже тогда видел, что тащится она раком, боком, на спине:

Глава 3
Побег

1

«Воронок» подъехал к вагону почти вплотную. Шурша щебенкой, у полотна железной дороги притормозил милицейский «УАЗ». Двери машин открылись, выпуская наружу наряд милиции. К прапорщику Шайкину молодцеватой походкой шагнул сержант-громила.

– Климов Владимир, – представился он.

Прапорщик поздоровался с милиционером за руку.

– Тезки. Камеры подготовили?

– А чего их готовить? – Сержант пожал крутыми плечами. – Камеры как камеры. Не убегут.

– Собак нет или не догадались прихватить?

– Сами как собаки, только что не лаем.

Начальник этапа оглядел молодцеватого милиционера недовольным взглядом.

– Ладно. Давай грузить. За один раз не увезем, придется еще раз возвращаться.

– Проблемы?

– И очень большие. У меня тут четверо строгачей, их возьмешь первыми. И еще одиннадцать первоходов, тоже этапом на Верхотурье идут.

– На общак?

Прапорщик хмыкнул:

– На общак. Всех по разным камерам.

– У нас всего шесть камер, – привычно подсчитал Климов. – Одна занята суточниками, в другой сидят малолетки, в третьей задержанные солдаты. Рванули из части. Военная комендатура не торопится, а нам обуза. Еще в одной камере сидит телка! Мошенница, сам *брал*ее.

Прапорщик резким жестом руки осадил словоохотливого сержанта.

– Тогда строгачей сажай отдельно, а остальных сгоняй в одну.

– Я ж говорю: не получится, – втолковывал Климов. – Посидят вместе два-три дня, никуда не денутся. Вас тоже рядом разместим. – Климов поймал хмурый взгляд тезки и добавил: – В коридоре. Стулья дадим.

– Ладно. Значит, свободными остаются две камеры?

– Так точно. Сколько, говоришь, у тебя всего народа?

– Шестнадцать человек.

– Так я их за один раз увезу!

– Ты глупый или притворяешься? Половина моих конвойных поедет вместе с заключенными. Не ты, наверное, отвечаешь за них. Давай время тянуть не будем. Ставь своих людей коридором, оружие на изготовку. Выводить буду по одному. – Шайкин подошел к двери вагона. – Ананьев!.. Ананьев, мать твою! Спишь, что ли?

– Никак нет, товарищ прапорщик.

– Буди конвой и давай братву из первого «купе». Кто там у нас – Каменев?

– И Хабибуллин, товарищ прапорщик.

Шайкин прикинул, что вместе с осужденными на строгий режим можно взять Кирилла Ефимцева. Он один в этапе шел на усиленный.

Через минуту в проеме показался первый арестованный.

Местный милиционер приступил к делу.

– Руки за голову! Шаг в сторону, прыжок вверх – попытка к бегству. Стреляем без предупреждения. Пошел!

Восемь стволов уставились на невысокую фигуру осужденного.

Сергей Каменев быстро миновал живой коридор и втиснул свое худое тело в узкую дверь «воронка». Решетчатая дверь за ним сразу же закрылась.

Прапорщик окликнул сержанта:

– Этого в «карман».

– Понял.

Сергея перевели в тесный зарешеченный отдельный отсек машины. Хабибуллина разместили в таком же помещении напротив. Остальные занимали места на лавках в общем отделении.

– Давай еще. – Климов оглядел арестованных через решетку и спрыгнул на землю.

Прапорщик махнул рукой, провожая глазами солдат, занимающих в «воронке» места.

– Хватит. Вези. Да не задерживайся, – напутствовал он.

Шайкин усталым взглядом проводил милицейские машины: с включенными сиренами они выбрались на грунтовую дорогу; еще минута – и скрылись за переездом.

«Лучше бы вагон загорелся, честное слово!»

2

Майор Веретин спустился в подвальный этаж здания милиции. Дежурный сержант повернул длинный ключ в замке и открыл металлическую дверь. Помимо сержанта в коридоре находились семь солдат управления исполнения наказаний, один остался в пустом вагоне охранять казенное имущество. Четверо, размотав портянки, сидели у стен и клевали носами. Остальные спали на бетонном полу в обнимку с автоматами. Прапорщик Шайкин устроил себе более-менее сносную лежанку на трех стульях и тоже спал.

Веретин подошел к первой камере и заглянул в «волчок». Четыре человека, раздевшись до пояса, сидели на широких нарах и играли в шарабешки, поочередно бросая кубики, сделанные ими из хлеба и сигаретного пепла. Ефимцев не принимал участие в игре, только изредка бросал взгляды на игроков.

Начальник милиции еще несколько секунд рассматривал арестованных. Четверо игроков имели художественно выполненные татуировки и были почти одного телосложения: худые, сутулые, с ленивыми усмешками на уверенных лицах. Сергей Каменев, с пронзительными голубыми глазами, коротким носом и широкими, резко очерченными скулами сидел к двери вполоборота, не отвлекаясь от игры.

Веретин заглянул в третью камеру, где царило совсем другое настроение. Шестеро солдат молча курили, передавая друг другу сигарету.

В камере с дезертирами оказалась девушка.

– Кто посадил сюда эту проститутку? – резким тоном спросил Веретин, уже наслышанный о «похождениях мошенницы». – Опять Климов, что ли?

– Он, – ленивым голосом ответил дежурный. – Посидит сутки с дезертирами, ничего с ней не будет. Они же запуганные, как бараны. Хотите, поместим ее в кабинете дежурного следователя.

– Смотрите у меня! – предупредил Веретин солдат. – Держитесь от нее на расстоянии. Еще неизвестно, кто она и какую хворь от нее подцепил наш сослуживец. – Веретин громко рассмеялся.

Заключенные уже поужинали, осталось накормить караульных; считай, сегодняшний день прошел. Веретин еще раз посмотрел на спящего прапорщика и поднялся наверх.

3

Хабибуллин занял пост у двери, поглядывая в «волчок», который был забран еще и решеткой от мясорубки.

– Как на Бутырке, – хмыкнул он. – Чувствуешь себя куском говядины. Конвойных бы прокрутить, а, Серега?

Каменев кивнул Ефимцеву: сядь на место Мусы – и передал ему кубики.

Когда арестованных разместили по камерам, Сергей в первую очередь занялся осмотром. Сначала оглядел узкое окно, забранное решеткой: арматурные прутья были надежно вделаны в вековую стену. Потом взялся за нары, под которыми вдруг раздался шорох. «Крысы?» Кому, как не крысам, обитать в подвале.

Он призвал товарищей к тишине и кивнул Хабибуллину, который продолжал дежурить у «волчка». Прошли секунды, и ломающийся, сдавленный голос спросил из-под нар:

– Курить есть?

Вслед за этим доска отошла в сторону, и перед обалдевшими арестантами предстал пацан лет четырнадцати с забинтованными руками.

Сергей машинально протянул пареньку сигарету и, заикаясь, спросил:

– Ты откуда, пацан?

– Оттуда. – Юный гость кивнул на стену соседней камеры.

– А что с руками?

– Вскрылся, – ответил Иван. – Курить не дают, волки!.. Хочешь в гости?

Сергей пролез вслед за пацаном в соседнюю камеру, где их поджидали еще несколько подростков. Когда Каменев оглядел камеру, его едва не вырвало: все ее стены были покрыты запекшейся кровью.

– Так, братва. – Каменев задумался. – Значит, соседи ваши – солдаты?

– Ага. И телка с ними. Классная подруга!

– Подруга? – изумился Сергей. И еще раз повторил про себя: «Подруга. Вместе с солдатами». И его недоумение выросло в естественный вопрос: – *А параша в их камере стоит?*

– Не. Их по одному выводят на общий толчок.

Каменев кивнул, поглядев в угол, где стоял оцинкованный бак. Из этой камеры не убежишь, а вот из третьей, где арестованных выводят в туалет...

Пацаны неаккуратно поработали над нарами, довольно много времени ушло на то, чтобы загнуть гвозди и положить доску на место. Каменев пристально осмотрел ее – даже внимательный взгляд не обнаружит подвоха: шляпки гвоздей все так же покрыты краской. Он тронул доску рукой: непорядок, доска слегка зашаталась на загнутых гвоздях. Удивительно, как менты не обнаружили этого при обыске камеры, когда малолеток мутузили за «вскрытие». Еще полчаса ушло на то, чтобы, сгибая и разгибая гвозди, обломать их.

Работать приходилось лежа под нарами. Хабибуллин все это время стоял на стреме, загораживая «волчок». Заодно прислушивался к каждому слову за дверью.

Четверо строгачей были на полпути к свободе. Пятому – Ефимцеву – Каменев шепнул на ухо всего одну фразу:

– Идешь с нами.

Копать под стену почти не пришлось. Из своей камеры Каменев прополз под нарами второй с «малолетками на борту» и, чтобы солдаты в камере случайно не подняли шум, шепотом предупредил их:

– Эй, братва! Только тихо, не суетитесь. Сидите молча, мы все сделаем.

Он еще чуть подкопал и увидел слабый свет, падающий на его лицо через щели нар.

– Сядьте кто-нибудь вот на эту доску, – уголовник постучал ногтем по крайней. – Ага, вот так. И не вставай, пока я не скажу.

Он уперся ногой в доску и стал методично надавливать на нее. Медленно, миллиметр за миллиметром подался один край. Через пятнадцать-двадцать минут он приподнял доску и загнул гвозди. Потом то же самое проделал с другого конца.

– Вечером пообщаемся, – прошептал он и возвратился в свою камеру.

Однако через полчаса солдаты снова услышали его голос:

– У вас параша стоит?

– Нет, – прошептал один, склоняясь над нарами, – нас выводит в туалет дежурный.

Малолетки сказали правду. Сергей пока не знал точного распорядка изолятора, однако если беглых солдат и девушку выводил дежурный, то дверь в камеру строгачей должна открываться только раз в сутки – для того чтобы вынести парашу. В это время как минимум половина караула будет стоять у двери с автоматами на изготовку.

Солдаты исправно несли караульную службу. Даже во время раздачи пищи, когда открывалась только «кормушка», рядом стоял автоматчик.

И дежурному милиционеру стало легче. Теперь он выводил в туалет суточников и арестованных солдат парами, а не по одному, как делал это еще вчера.

До решающей минуты Каменев успел пообщаться со смекалистым пареньком, запретив тому шнырять под нарами.

– Ты местный?

– Ага.

– Стало быть, бежать тебе некуда. А вот мы с товарищами решили свалить. Что бы здесь ни произошло, следователю скажешь, что тебе показалось, будто солдаты и были зачинщиками побега, смекаешь? По ходу поправишься: может, и не они начали, но стреляли. Кто – не разберешь же через «волчок». Все в форме, вроде как на одно лицо. Вот так и говори. Своим пока ни слова о нашем разговоре. И я в долгу не останусь. Я не каркаю, но всякое может случиться. Угодишь в зону, скажешь, что знаешь меня, что я у тебя в долгу, понял? И я такой слушок пущу.

4

Радио над столом дежурного позывными радиостанции «Маяк» сообщило точное время. Скоро караульным должны принести ужин. Через пять минут Хабибуллин поднял руку: «Есть».

Каменев сам заглянул в «волчок», запоминая расположение караульных. Они незамысловато, как и во время обеда, по-походному расположились на полу, приспособив вместо столов стулья; за одним «столом» – по двое. Крайний слева солдат прислонил автомат к стене и сосредоточился на куске жареной рыбы.

Сергей подал знак: «Вперед!» Роман Юшенков аккуратно приподнял широкую доску нар, и Сергей пропал из вида. За ним последовали Хабибуллин и Девяткин. Юшенков кивнул Ефимцеву и покинул камеру последним. Не задерживаясь, они проползли под нарами второй камеры, занятой малолетками, и оказались под настилом третьей.

Общение с солдатами заняло считаные мгновения. Служивые с оторопью глядели, как из-под нар, один за другим, появились четверо уголовников и стали по обе стороны от двери. Сергей взял одного из солдат за грудки и поставил перед «волчком». Хотя до этого выбор его пал на девушку. Он узнал ее. Но удивляться времени не было.

– Ты хочешь на горшок, понял?

Солдат, не смея перечить, постучал в дверь.

– Не молчи! – прошипел Сергей, отступая и прижимаясь к стене.

– Чего там? – за дверью раздались шаги дежурного. Свет в «волчке» померк.

– В туалет, – тихо ответил парень. Он был бледен, губы подрагивали.

Дежурный заметил нездоровый вид солдата и уже вставлял ключ в замок.

– Ты только не обделайся в камере. Мне вонищи из первых двух хватает.

Дверь открылась. Сильной рукой Хабибуллин отшвырнул солдата к нарам и головой вперед устремился на сержанта. Остальные уголовники рванули к караульным, приступившим к ужину.

– Ложись!! – закричал Каменев, ударяя ногой в голову крайнего, и схватил стоящий у стены автомат. Он передергивал затвор, когда прапорщик Шайкин опомнился и потянулся к кобуре. Сергей дал длинную очередь. Последний от него караульный ткнулся головой в стул, вслед за ним упал начальник этапа.

Сергей отступил и дал еще одну очередь навскидку, отмечая, что его подельник Роман Юшенков тоже успел вооружиться «калашом».

Вадим Девяткин замешкался, но теперь его помощь была особо не нужна. Подельники расстреляли караул за считаные секунды.

Сзади раздался выстрел. Тут же прозвучал второй. Обернувшись, Сергей увидел стоящего на коленях Хабибуллина, держащего руки на животе. Голова сержанта была разбита, он едва удерживал в руке пистолет, но смотрел не на вооруженных бандитов, а в глубину третьей камеры, на окаменевших дезертиров.

Сергей одиночными выстрелами расстрелял и сержанта, и Хабибуллина.

Девяткин наконец-то опомнился. Он начал собирать автоматы. Юшенков уже открывал решетчатую дверь. Ефимцев почувствовал, как в его руку ткнулось что-то холодное. Он опустил глаза: пистолет дежурного сержанта. Отказываясь, он покачал головой. Сергей выстрелил Ефимцеву в грудь.

В здании милиции оказалось только три человека. Обнажив стволы, они убегали, отстреливаясь из пистолетов. Им вдогонку отработали три автомата. Однако двое из бандитов тоже получили ранения.

Надо бы уходить, но Каменев возился у камер, открывая двери.

– Зачем, Сергей? – вымученно, держась за простреленную руку, спросил Девяткин.

– Соображать надо, – отрезал Каменев. – Разобьем погоню. Искать будут не только нас. – И поторопил солдат: – На выход, быстро! А тебе особое приглашение надо? – он навел ствол на девушку.

Она поднималась по лестнице между Каменевым и раненым Девяткиным. Сергей на миг остановился, что-то прикидывая, потом поторопил Девяткина:

– Быстрее можешь?

Едва подельник оказался ступенькой выше, Сергей добил его выстрелом в затылок.

Дальше случилось то, чего никто из матерых преступников не ожидал и вряд ли предвидел. Ирина протянула руку и, не спуская глаз с раненого сержанта, потребовала у Каменева пистолет:

– Дай оружие. Не тяни резину. Мне долг отдать надо.

Каменев взвел курок и рукояткой вперед протянул девушке пистолет.

Ирина шагнула к Климову и навела на него ствол пистолета. Сержант загородился рукой. Ирина выстрелила, и пуля пробила ему ладонь и подбородок. Следующий выстрел в пах. Едва сержант отдернул руки от лица и схватился за живот, она выстрелила ему в переносицу. И еще раз, скрипнув зубами:

– Получи, подонок!

– Все? – Каменев постарался остаться равнодушным.

– Да.

– Тогда верни мне пистолет. Если что – не стесняйся, проси.

Вооруженная группа бандитов на данный момент насчитывала двоих – самого Каменева и Романа Юшенкова, за ними сейчас следовала беспорядочная толпа суточников, солдат и малолеток. Они быстро прошли короткий коридор, перешагивая через тела убитых милиционеров. Так же стремительно, ни на секунду не останавливаясь, бандиты оказались на вечерней улице и перекрыли дорогу идущим навстречу «Жигулям».

Каменев вытряхнул с переднего сиденья женщину и направил ствол на водителя. Затем отдал команду Роману:

– Все, брат, разбегаемся. Ты уходи в другую сторону, прихвати с собой кого-нибудь из солдат, пригодятся.

И только после этого, схватив за волосы, выбросил из «Жигулей» водителя. Кивнул одному из солдат:

– Садись за руль.

– Я не умею водить.

– Кто умеет? – Каменев раздул ноздри. Если самому садиться за руль, тогда невозможно будет контролировать дезертиров, двоих или троих он намеревался взять в качестве живого щита. – Может быть, ты? – Он повел стволом в сторону девушки.

– Почему нет? – спокойно отозвалась Ирина.

– Тогда вперед, – чуть склонив голову, Каменев с любопытством проводил ее глазами; усаживаясь в машину, она была вынуждена плечом потеснить Сергея от двери. – Вам особое приглашение требуется? – Сергей поторопил еще трех солдат, которых намеревался «сбрасывать» по мере удаления от места преступления и, меняя маршрут, запутывать погоню.

И еще раз напутствовал Юшенкова:

– Останавливай машину – и в другую сторону.

Легковушка резко взяла с места. Ирина ровным голосом спросила:

– Куда ехать?

– Прямо, только быстро.

* * *

«Жигули» нашли через три часа возле кольцевой развязки – именно столько времени понадобилось для снаряжения группы ОМОНа из областного центра на место происшествия. Очевидно, преступники разъехались в разные стороны, потому что ни по одному, ни всех вместе задержать их не удалось. Задержали только малолеток, которые вдоволь курили, рассказывая, как дезертиры ловко переколбасили караул.

* * *

Рано утром на одном из перегонов им удалось догнать медленно идущий грузовой поезд. Рабочие к этому времени закончили бастовать, и составы стали отправлять по назначению. В кромешной тьме, боясь свалиться под колеса, пять человек прыгали с вагона на вагон, ища более или менее сносное убежище. Добравшись до рефрижератора, состоящего из пяти вагонов, ступали по крыше аккуратно, чтобы их шаги не услышала смена рабочих. И за пятым вагоном нашли то, что искали. Прежде чем спуститься в вагон, Каменев определил направление: поезд шел на восток.

Солдаты и девушка слушались Каменева беспрекословно. Он был вооружен двумя автоматами, один из которых висел за спиной, и парой трофейных «макаровых».

В небольшом убежище, где они оказались, Каменев занял угол, изготовил автомат для стрельбы.

– Не бойтесь, буду ссаживать по одному. Тебя – последней. – Он стволом указал на девушку, и его губы тронула улыбка. – Лихо ты управляешься с машиной. С пистолетом тоже. Где научилась стрелять?

– По дороге расскажу, – последовал лаконичный ответ.

Глава 4
Следствие

1

Здание Верхнегородищенского ОВД было оцеплено местной милицией и областным ОМОНом. Казалось, все жители этого небольшого городка плотной стеной обступили красновато-коричневое здание управления.

– Вовремя дело о расстреле караула и побеге особо опасных преступников повесили на меня, – сказал начальнику главка полковник милиции Лысенков. – Придется поднатужиться и военной прокуратуре. Среди сбежавших числятся шесть военнослужащих. Кому еще? ГУИНу, не говоря уж о генпрокуратуре.

Московского гостя встречал начальник отделения.

– Майор Веретин, – представился он.

Лысенков решил не церемониться.

– Пройдемте внутрь, майор. По пути вкратце расскажете свежие новости.

Вместо новостей Николай Лысенков выслушал старообрядческие причитания: «Не к добру этот этап: сердце чуяло». Полковник решил выяснить причину фальши, которая лезла из всех слов майора.

Вслед за начальником в здание милиции вошли четыре оперативника и столичный судебный эксперт.

– Трупы не трогали? – Лысенков приблизился к бесформенной массе в середине мрачного коридора, накрытой простыней, над которой уже витали мухи. – Кстати, где наши коллеги из областного центра?

– Они сейчас в подвальном помещении.

– Ну что же, начнем. Слава, – подозвал полковник оперуполномоченного Мирошника, – начинайте осмотр. А вы, майор, все же расскажите последние новости.

– Да нет никаких новостей. Отловили за это время только суточников да малолеток. Самого бойкого только что удалось отыскать. Словоохотливый, уже дает показания. Сейчас все сидят по кабинетам.

– А вы говорите – нет новостей. Мне-то можно побеседовать со словоохотливым? – приноравливаясь к лицемерному тону коллеги, спросил полковник. – Он суточник или?..

– Малолетний правонарушитель. Угнали с приятелями автокран. Хотели отогнать в райцентр и продать. Перехватили на полдороге.

Разговор с московским чином повлиял на майора Веретина положительно, он стал приходить в норму. Может, удастся отделаться полегче и скрыть все правонарушения и бесчинства личного состава вверенного ему отделения.

* * *

Полковник взял протокол. Прочитав его, он вздохнул.

– Как я понял, Ваня, нападение на караульных произошло из камеры, где сидели солдаты. Но почему рецидивисты не воспользовались камерой, где сидел ты и твои товарищи? Почему не из своей камеры совершили нападение на караул – понятно, об этом говорить не будем. Почему, а?

– Как почему?.. Мы же не солдаты, стрелять не умеем.

– Молодец, хорошо соображаешь.

– Мне не к чему соображать, я сам все видел.

– И слышал, – полковник снова перевернул протокол. – Вот здесь написано, что инициаторами побега были именно солдаты. Они, по твоим словам, сделали подкоп.

– Ну да, сначала заглянули к нам, угостили сигаретами, потом поползли дальше.

Пацан начал понимать, что допустил ошибку, но вот где? Каменев просил его об одном, а он пошел дальше, стал развивать тему, полагаясь на собственную изворотливость.

Что касается Лысенкова, то ошибка Вани Корнева была для него очевидна. Паренек делал упор на солдат, а опытный следователь, не меняя самой постановки вопроса, просто переставил действующих лиц. И получил ответ.

Вошел капитан Мирошник. Переговорив с ним у приоткрытой двери кабинета, Лысенков отпустил оперативника и вернулся к столу. По-хозяйски покопавшись в ящике стола следователя, полковник извлек чистый лист бумаги, жестом попросил Корнева придвинуться ближе к столу, щелкнул шариковой ручкой.

– Дело было так, Ваня, – суховатым голосом начал Лысенков. – Если я ошибусь, поправь меня. К солдатам вы так и не смогли докопаться, не хватило силенок. Поэтому вы наведались к уголовникам, наладили контакт, кое-что рассказали о распорядке в изоляторе. Так вот, подкоп делали не солдаты, как записано с твоих слов в протоколе, а бандиты. Если нужны доказательства, то они так и лежат горкой земли и щебня под нарами вашей камеры. Ты хорошо разбираешься в технике, угнал автокран, значит, знаком с принципом работы бульдозера, который под себя не гребет. Не могли солдаты копать от себя. – Полковник отложил авторучку в сторону. – Ты не с того человека стал списывать себе облик. Пошли со мной в подвал, я покажу тебе его деяния. Давай руку, ну?

Мальчик покачал головой и машинально убрал руку за спину. Он не мог отвести взгляд от ставших вдруг пронзительными глаз следователя.

– Побудь дома, никуда не уходи. Возможно, нам понадобится твоя помощь. Или ты еще что-то хочешь добавить?

– Про девушку хотел сказать. Она с солдатами сидела. В коридоре она застрелила раненого мента. Вову Климова. Мы его Вовочкой зовем. На соседней улице живет. Жил то есть.

2

Уже глубоким вечером две объединившиеся опергруппы довольно четко воспроизвели картину преступления. Интересовало в этом деле все, но особо Лысенков выделил следующее. Перебирая на столе листы протоколов и данные экспертиз, полковник в обычной для него манере вслух обращался к себе, в то время как просторный кабинет начальника ОВД был полон офицерами милиции.

– Осужденный Хабибуллин Муса, – потирая подбородок, говорил Лысенков, восседая на месте хозяина кабинета. – В теле две пули: из «макарова» и «калашникова». Осужденный Кирилл Ефимцев – убит из «макарова». Из «макарова» же убит Девяткин. Убиты сержанты Захаров и Климов.

Капитан Мирошник затушил в пепельнице сигарету. Перед ним лежало заведенное накануне Верхнегородищенским ОВД дело на гражданку Андрианову. Собственно, в папке было только постановление на арест и пара протоколов. Паспорт задержанной ему принес дежурный следователь – старший лейтенант Панин.

– Хочу обратить внимание на показания молодой пары, на чьей машине уехал Каменев. Речь идет о заложниках, среди которых одна молодая женщина – Ирина Владимировна Андрианова. Задержанная, судя по записям в протоколе, за мошенничество.

– Думаешь обнаружить связь между ней и бандитами? – спросил Лысенков.

– Мне интересно, как и кто именно задержал ее. А этот кто-то – сержант Климов. Как раз он перевозил заключенных в отделение. Он, увы, ответить не сможет. Мы получили невразумительный, вернее, неправдоподобный ответ от несовершеннолетнего свидетеля. Якобы Ирина Андрианова принимала участие в расстреле караула, убила сержанта Климова. Может быть, вы поможете? – Мирошник вопросительно посмотрел на лейтенанта Панина. – Под протоколами ваши подписи?

– Не только мои. Но и задержанной.

– Вижу, не хотите отвечать. Хорошо, я читаю: «Я, Андрианова Ирина Владимировна, год рождения 1978: следовала пассажирским поездом: поезд стоял уже двое суток, кончились наличные деньги. Пассажиры и проводники отказались поменять доллары. Пошла в город, чтобы разменять доллары и купить продукты. Сбербанк в это время не проводил валютные операции, поэтому я обратилась в ближайший киоск».

Мирошник отложил протокол и пристально посмотрел на следователя.

– Ее-то за что в камеру, а?

– У Климова спросите.

– Спрошу. Когда в морг загляну. Спрошу его вот о чем. За какую такую нить потянул покойный ныне Климов, что вытянул столько происшествий, сколько ни одному другому городу не снилось?

– Не знаю, – покачал головой Панин. – Я только составлял протокол, и все.

– Пошли отговорки?..

Следователь не отреагировал на вопрос дотошного москвича.

Эстафету принял Лысенков.

– Лейтенант! Хреново с ушами? Я возглавлю опергруппу, и в мою компетенцию входит разбор действий каждого ответственного должностного лица. Я разберу. А собирать вас будет специально созданная комиссия, куда войдут и лица из ГУИН. Лично я определился с термином, которым буду оперировать во время устных и письменных докладов. Думаешь, высокая комиссия будет ломать голову, на ком больше вины: на министерстве, ответственном за этап заключенных, или на *«команде Веретина»*, которая по такому случаю должна была бы пусть не полностью, но частично освободить изолятор временного содержания. Но

*«команда Веретина»*не соизволила освободить камеры от суточников, которые все до единого были коренными жителями, от местных же малолеток. *«Команда Веретина»*не отпустила невиновную женщину. Больше того, *«команда Веретина»*поместила ее в камеру с задержанными другого пола. Здесь я вижу дикость местных милиционеров-экспериментаторов.

*** * ***

Пока шла работа в Верхних Городищах, в местах проживания и возможного появления уголовников работа также не прекращалась ни на секунду. Были подняты все данные на преступников, их связи – деловые, личные, семейные. Преступники были вооружены основательно. Каменев имеет на вооружении два ствола «калашникова» и пару «макаровых». Вроде бы для одного много, а с другой стороны – в самый раз. Не давала покоя мысль о том пареньке, Ване Корневе, которого матерый уголовник сумел обработать за секунды. Не получится ли так и с заложниками – тремя солдатами и Ириной, стрельба которой по раненому сержанту оставалась под большим вопросом? Это уже вооруженная банда. Две банды, считая Романа Юшенкова и его подопечных.

Опять же успокаивали обрывочные речи Сергея Каменева, не ускользнувшие от нескольких свидетелей, которые утверждали, что бандиты намеревались «сбрасывать» по дороге по одному заложнику. Под этим термином скрывалась «оперативная работа» самих преступников. Оказавшийся на свободе тот или иной заложник будет показывать то, что заведомо внушил ему преступник. У Каменева таких четверо, стало быть, не четыре плана, а четыре возможных хода. Но только преступник знает цель, вернее, конечный пункт назначения.

Все может оказаться настолько запутанным, что не хватит никаких сил и средств, чтобы быстро обезвредить преступников. Но может сработать и обратный эффект, когда чрезмерные предосторожности до того запутают бандита, что он легко попадется на профессиональные действия оперативников.

Глава 5
Всадник без головы

1

– Здесь! Сюда! – Каменев остановился на краю открытого вагона с металлом. Шинка верхней пачки лопнула, и несколько металлических листов, сместившихся на метр, почти вплотную примкнули к передней стене вагона, образовывая приличное убежище. И если бы листы не прогнулись под тяжестью Сергея, беглецам пришлось бы искать убежище в следующем вагоне идущего на восток грузового состава. А вагонов впереди – больше сорока.

Сдирая кожу на руках, им удалось отогнуть неподатливый металл и оказаться в узком закутке, который после блужданий по крышам вагонов показался им надежным.

Тесно прижавшись друг к другу, они легли в углу. Заснуть мешал холодный пол и пачки листового железа, нависшие над ними. Когда машинист локомотива неожиданно тормозил или состав катился под горку, им казалось, что многотонная масса приходит в движение, надвигается на них.

* * *

Их было пятеро, теперь осталось четверо. То, чего они постоянно опасались, почти неотрывно глядя на подвижные, словно живые пласты металла, произошло ранним утром на второй день побега. Они задремали, а когда проснулись, увидели своего старшего товарища без головы. Их пробуждение совпало с очередной подвижкой листов железа, которые, казалось, смазали жиром. В этот раз, как пиковый туз из колоды чернокнижника, очередной металлический лист скользнул из пачки. Сила его движения была такова, что он едва не отсек голову Каменеву.

Кровь из перерезанных артерий хлестала ручьем. И даже если бы в это время беглецы бодрствовали, ничего поделать не смогли. Стояла ночь, судя по просвету с правого края металлического листа – звездная. Постоянный грохот колес, которые, казалось, были приделаны к телам беглецов, сводил их с ума. Огромная лужа крови растеклась по металлическому полу, и ни одной капли не просочилось наружу.

Первым почувствовал что-то неладное Игорь Заботин. Он проснулся от резкого толчка, рукой машинально оперся о пол. Поднес ладонь к лицу, с отвращением думая о том, что кто-то нагадил. Малую нужду приходилось справлять едва ли не под себя. Выбрали дальний угол и кое-как пристраивались и подолгу сосредотачивались. Вот Серега Каменев оказался без комплексов, складывалось впечатление, что он только делал вид, вставая на колени и даже не тужась.

Жижа, которой была покрыта ладонь Игоря, пахла чем-то кислым. Солдату в голову пришла другая мысль, не менее тошнотворная – кого-то вырвало. Он с остервенением стал вытирать руку о стену, затем до него дошло, что он сидит в этой жиже.

К этому времени проснулись и остальные. Игорь услышал недовольный голос сослуживца:

– Чего ты возишься?!

Заботин выругался:

– Подо мной параша какая-то. У кого спички, посветите.

– Мазут, что ли? – неопределенно высказалась Ирина.

– Смотрите, – услышала она едва различимый шепот соседа, чей подрагивающий в свете огонька палец указывал на угол.

Там сидел Каменев.

Все бы ничего, если бы над его верхней челюстью хоть что-нибудь было. Напрячь воображение, получится следующая безумная картина: Каменев выглянул за металлический лист и для удобства вцепился в него зубами, между тем как руки безвольно вытянулись вдоль туловища. И тут, на глазах изумленных беглецов случилась самая, пожалуй, жуткая вещь, сопровождаемая скрипом зубов. Вагон качнулся, вместе с ним и тело Каменева, и все то, что оставалось наверху также сползло в сторону, издав тот самый тоскующий скрип зубов по металлу.

Силы удара не хватило на то, чтобы отрубить уголовнику голову окончательно. Лист ударился ему в район нижней губы и прорезал хрящи и кости челюстей, затрагивая сонную артерию. И чуть-чуть не хватило, чтобы отсечь еще и шейный позвонок. И Сергей, нанизанный на этот жуткий стальной поводок, скользил туда-сюда. Причем довольно долго, ибо кровь на полу, начавшую густеть, можно было мерить банками.

А беглецы жгли и жгли последние спички, не в силах оторваться от этого зрелища. А оно методично готовило им новый сюрприз. Во время очередного незначительного торможения тело Каменева сползло еще ниже, и отдача сделала свое дело: металл прошел-таки между позвонков. Пять, десять томительных минут ожидания, и труп резко подался вниз. Теперь его удерживала только кожа на затылке. И та вскоре с отвратительным треском подалась.

Перед смертью Каменеву снился брат, сестра. Ему снился остров на кордоне – отчасти потому, что он думал там укрыться на время.

Вот по просьбе Сергея Андрей привозит Маринку на остров, она гуляет по побережью, а братьев Каменевых скрывают густые кусты на возвышенности. Сергей видит Маринку в профиль, любуется ее стройной фигурой, замечает, что сестра не в настроении.

Андрей отвечает, что радоваться сестре нечему. Незаметно их разговор переходит в ссору. В сознании Сергея отпечатался облик брата, который занес руку с ножом для удара, и – ударил, целясь в приоткрытый рот.

* * *

Сейчас его голова перекатывалась по поверхности листа-крыши. Для беглецов она оставалась невидимой, но все явственно представляли ее. Усиливалось это ощущение еще и обезглавленным телом, которое солдаты, с трудом преодолевая отвращение, отталкивали от себя ногами. А труп при покачивании вагона снова и снова сползал к их ногам. Наконец Михаил Кисин не выдержал и дал по нему короткую очередь из автомата.

– Зачем?! – задыхаясь от пороховых газов, которые с трудом пробивались наружу, выкрикнула Ирина.

– А чего он, – наивно прозвучал ответ Михаила.

– Теперь Сереге все равно, получит его брат известие о побеге или нет. – Заботин в очередной раз затолкал труп в угол и вытер руки о его рубашку. – Уже холодеет, – сообщил он товарищам и двинул ногой по «крыше» – там что-то подпрыгнуло и перекатилось. – Все мысли Сергея там, и они не греют тело о скором свидании.

– Прекрати! – осадила его Ирина.

Состав катил на восток – туда, где, скорее всего, беглецов уже поджидает группа захвата. Об этом чаще всего говорил старший, теперь уже покойный Сергей Каменев. И непременно добавлял, что лично у него другого пути нет; он хотел лишь одного: встретиться с братом. Надолго ли – об этом старался не говорить. Однако хмурился, когда представлял

себе посеревшее лицо Андрея: *«Ваш брат Сергей Викторович Каменев бежал во время этапирования»*. И ничего не добавят о почтовом поезде, к которому был прицеплен вагон с заключенными, неожиданно остановившийся посреди сибирских просторов.

– А с мыслей Сереги все капает и капает. – Игорь наблюдал, как с края листа все с меньшими интервалами капает кровь.

– Ты можешь изощряться про себя?

– А ты кто, моя начальница, чтобы приказывать?

– Я не приказываю, просто прошу тебя заткнуться.

– Не пойму, почему это вдруг ты стала старшей? – подал голос Кисин. – Ты не моя классная руководительница, а я не ученик...

– У нас нет старших, – перебила его Ирина, – мы теперь сами по себе. У каждого есть свои мозги. Попробуем еще раз отогнуть железо. Боюсь, сверху еще навалило. А ну-ка, пацаны, взяли!

2

Андрей Каменев с замиранием сердца следил за тем, с какой самоотверженностью борется с водной стихией полосатый зверь. В бинокль он отчетливо видел голову тигрицы, то и дело скрывающуюся в набегавших на нее волнах. Иногда ему казалось, что смелое животное канет в бездну, когда очередная волна накрывала ее с головой.

Убрав бинокль, он бросился к мосткам и завел катер, на малых оборотах прошел вдоль берега до того места, откуда вел наблюдение, и снова попытался отыскать в неспокойном море тигрицу. Ему долго не удавалось сделать это, но когда взгляд отыскал желтоватую голову, он облегченно вздохнул. Затем решил приблизиться к ней ближе на случай, если зверь окажется в безвыходном положении.

Успеет ли он? И что будет делать, когда окажется рядом с тонущим хищником? Найдет способы спасти, ситуация подскажет выход. В крайнем случае, подстегнет ее звуком мотора, угрожающим взмахом весла, и все время будет рядом, пока она не доберется до берега.

Андрей пытался найти причину странного поведения тигрицы, которую неоднократно видел на своем участке, и нашел только одно объяснение: обеспокоенность. По всем признакам самка была беременна. Андрей заметил, что маршруты тигрицы стали сокращаться, теперь самка перестала посещать то место, где недавно были убиты два тигра. Маршрут двухметрового гиганта ограничился севером его же территории. Можно было заметить места, где тигрица отдыхала, оставляя после себя примятый снег.

Самка искала уединенное место, чтобы спокойно родить тигрят. Инстинкт подсказал ей, что таким местом может стать остров, который скрывала вечная дымка.

С тех пор прошло больше полугода. Андрей так и не выяснил, кто убил эту самоотверженную тигрицу. Может быть, об этом знали в центральной усадьбе заповедника Светлый, но хранили молчание. Поговаривали, что администрация Национального парка готова за хорошие деньги разрешить охотиться на территории заповедника. И Андрею, если в заповеднике введут подобную практику, придется обслуживать богатых клиентов, провожая их в места, где водятся тигры, медведи, рыси, изюбры. Стать инструктором «беспредельного боя».

Последнее время начальство приезжало на кордон дважды. В первый раз то ли инструктировать, то ли инспектировать. Во второй раз уже с определенной целью.

Андрей взорвался:

– Так и знай, Михалыч, я здесь ни минуты не останусь! Трех тигров убили – и это только начало. Думаешь, я слепой, не понимаю, почему начальство, и ты в том числе, отмежевываетесь? Репетируете втихаря. А если бы я оказался поблизости? Положил бы рядом с тиграми охотников. Клянусь, Михалыч, застрелил бы!

– Я тоже не согласен с решением администрации, но приказ пришел из Главного управления. А кто управлению диктовал, одному богу известно. Наше дело подчиняться. Ты не застал те времена, когда в усадьбу приезжали партийные чиновники, – вот где было бесчинство.

– Плевать я на них хотел. Раньше моя территория была именно моей, я отвечал за порядок на участке. Да я каждого зверя в *лицо*знаю! И животные все чувствуют, бегут из заповедника. Ну а тигры-то чем провинились? Они уходят из тайги, потому что оттуда их выживают. А близ населенных пунктов их стреляют китайцы, русские. А лес? Ты смотри, какими темпами лес валят! На всем делают деньги, сволочи!

– Погоди, Андрей, – замялся Бертнев, – у меня к тебе, как бы это сказать, предложение есть от начальства. На днях сюда приедет группа охотников – видные люди, работают в компании «Россуголь». Надо бы их по лесу провести. От себя добавлю: как ты себя с ними

поведешь, так оно и будет. Сумеешь растолковать им и показать нашу природу, в тайге не прозвучит ни одного выстрела. Подумай два дня, лады? Люди, которые приедут к тебе на кордон, интересуются именно хищниками. Насколько я знаю, за охоту на тигра ими уже заплачено.

– Вынь да положи тигра, так? А если его не будет?

Лесничий снова пожал плечами:

– Заберут деньги. Так ты погодишь с увольнением?

Андрей долго молчал.

– Когда прибывают охотники?

– На днях, точнее не скажу.

– Сколько их?

– Путевка на четверых.

Глава 6
Фальшивая свобода

1

С полчаса назад, когда состав стал замедлять ход, Ирина тихо скомандовала:

– Выбираемся! Я лучше в камере посижу, чем рядом с покойником.

Ломая ногти и сбивая в кровь пальцы, беглецы уже пытались выбраться из плена. Когда забирались сюда, невидимый отсек скрывался только за одним листом металла, а сейчас лист из другой пачки, толщиной в пять миллиметров, нанесший Сергею Каменеву смертельное увечье, навис над ними, как крышка металлического гроба. Он вплотную прижался торцом к стенке вагона, но была возможность уцепиться за его край, благодаря ребрам жесткости стенки. Можно было просунуть пальцы, что для пленников поначалу показалось вполне достаточно. Однако металлический лист пружинил и не слушался.

С первой же попытки они сумели опустить его настолько, чтобы сверху упал предмет, который будоражил их воображение. Воскового цвета голова, без единой капли крови. Только обезображенная верхняя губа, в предсмертной судороге вытянувшаяся вперед, была неестественного фиолетового цвета.

Еще до полной остановки состава до беглецов донеслись голоса, усиленные громкоговорителем: «Семьсот восьмой на горку. Одиннадцать ноль четыре и ноль шесть в двенадцатый пакгауз. Семенов, зайди в диспетчерскую».

Состав прибыл на какую-то станцию.

Михаил Кисин, сам того не замечая, оттягивал под рубашкой ворот майки, наматывая ткань на пальцы так, что трещали швы. Коля Трофимов подолгу глядел в глаза каждому и коротким кивком головы вопрошал: «Что будем делать?» Заботин, задрав подбородок, не отрывал взгляда от металлического листа, словно сию минуту вагон начнут разгружать. Ирина, изредка отвечая взглядом на немой вопрос Трофимова, разглядывала свои ободранные, кровоточащие пальцы. И тоже молчала.

Раньше все виделось по-другому. Вот они выбираются из вагона, на ходу прыгают, выходят на дорогу, останавливают машину, просят отвезти их в ближайшее отделение милиции. А сейчас...

– Толпа соберется, – шмыгая носом и продолжая терзать майку, едва слышно сказал Кисин. – Может, когда встанем под разгрузку?

Девушка пожала плечами:

– А если нас не отцепят и состав пойдет дальше?

– Короче, – взял на себя инициативу Заботин, – поставят вагон под разгрузку – хорошо. Нет – сами выберемся.

– Слушайте, мы же не преступники! Наоборот, мы *обезвредили*преступника. Чего мы боимся?

– Я предлагаю отсидеться где-нибудь. Днем больше, днем меньше – для нас никакой разницы.

– Тихо!

Все, как по команде, застыли. Справа раздались голоса двух человек. Они остановились в паре метрах от вагона. Лязгнул металл, перекрывший невнятный голос, короткая пауза, раскатистый, нарастающий, начинающийся от первого вагона грохот сцепок, и вагон с беглецами остался на месте.

Они переглянулись.

– Под разгрузку... – начал было Михаил, но Игорь прервал его взмахом руки.

– Тише!

Прошло десять, пятнадцать минут. Беглецам казалось, что давать знать о себе уже поздно. Выступление Кисина живо напомнило им чуть насмешливый голос Каменева. Он постоянно напоминал, что на следствии покажет: все обитатели третьей камеры помогли бежать осужденным и бежали сами. «Нет, братва, корячиться вам минимум по «пятерке» каждому. Вы сбежали из части – это вам о чем-нибудь говорит? Судье – скажет. Что, судья удивится второму побегу? Это рецидив, так что сидите и не рыпайтесь».

Он сыпал угрозами, удивлял логикой мышления, убеждал иронично-ленивым голосом... Говорил вслух о своем брате, сестре, но уже с другими, любящими интонациями. Сергей был удивительным человеком, просто не верилось, что в нем может сочетаться жестокость и нежность.

Они не дрожали от страха, но беспрекословно выполняли все его приказы. Кто мог помешать тому же Кисину или Трофимову уйти, когда они, прыгая с вагона на вагон, подыскивали более-менее сносное укрытие? Нет, они, словно загипнотизированные, следовали указаниям Каменева.

Все изменилось со смертью Сергея. Они стали свободными, но лишились ведущего. В их душах поселилась неуверенность, которая лишала их сил.

Снова голоса снаружи, несильный толчок, металлический лязг позади вагона, предупреждающий гудок локомотива, и вагон тронулся.

– Куда это нас?

– Теперь все равно, – убитым голосом ответил Трофимов и с сожалением посмотрел на мертвеца.

2

В напряженной тишине прошло четверть часа. Последним звуком, долетевшим до беглецов, стал хлопок двери, который эхом прокатился по какому-то просторному помещению. До этого протяжным, угасающим воем дала знать о себе выключенная вентиляция. Кисину припомнилось, что он слышал из переговоров диспетчера на железнодорожной станции: «Ноль шесть в двенадцатый пакгауз». Михаил слабо представлял себе, что такое пакгауз. Воображение нарисовало перед глазами низкое каменное строение с маленькими зарешеченными окнами, узким центральным проходом, по которому проложены рельсы, и множеством станков по обе стороны. В связи с этим пришло другое определение: депо. С закопченными стенами, устоявшимся духом мазута, гарью отработанного дизельного топлива, парой стоящих на ремонте локомотивов, освещаемых сверху мутным светом из-под широких алюминиевых плафонов. Матовый свет проникал и в щели вагона, скрывающего беглецов.

– Вроде мазутом пахнет.

Игорь тронул пачку металла: обычное листовое железо, и, похоже, им заполнен весь вагон. Тогда непонятным оставалось распоряжение, отданное четким, начальственным голосом:

– Контейнеры разгрузим завтра утром.

Эти слова относились к грузу только что прибывшего вагона. А когда машинист увел локомотив из помещения, уже от двери прозвучала последняя фраза:

– И без опозданий. Нас трое, и нам нужно будет втиснуть в вагон лишний контейнер.

Небольшое отверстие в стене вагона позволило Игорю рассмотреть человека с командирским голосом: крепкий, лет тридцати пяти мужчина в военной полевой форме. Он прошел совсем близко, и Заботин разглядел на погоне едва приметную на камуфляже зеленоватую звездочку, но не сумел определить, к какому роду войск принадлежит майор.

Однако у беглецов, не беря в расчет девушку, военные невольно вызывали страх. Им казалось, что трудно, почти невозможно будет на первых порах дать какие-то объяснения хотя бы этому майору. И с чего начать? Все равно всплывет тот факт, что днями раньше они сбежали из воинской части. И тысячу раз был прав Сергей, когда говорил, что беглецам будет трудно доказать свою непричастность к вооруженному побегу. Одно дело давать показания оперативникам, и совсем другое – военным.

Игорь не знал, что чувствуют его товарищи, но он испытал к майору справедливую, как ему казалось, ненависть. Может быть, оттого, что тот будет строить из себя обвинителя.

Когда майор и еще двое человек покинули помещение, Игорь спросил:

– Интересно, сколько сейчас времени?

– Часов одиннадцать вечера, – неопределенно ответил Трофимов.

– Чтобы выбраться отсюда, у нас есть от силы восемь часов.

Голодные, обессилившие, но воодушевленные беглецы рьяно взялись за работу.

– Только не отпускайте. – Николай, самый крепкий из парней, первым, холодея от соприкосновения с металлом, встал на плечи Кисина. Он оказался между двумя листами: верхним, который дал им возможность укрыться, и нижним, ставшим причиной смерти Сергея Каменева.

Сейчас они действовали согласованно. Трое снизу стали живыми подпорками, подставляя плечи, а Николай спиной довольно легко отогнул верхний, более тонкий лист железа, встал сначала на колени, а потом и в полный рост.

Первым делом он оглядел помещение, напоминающее ангар: просторное, чистое, разделенное надвое трехметровой сплошной стеной. Судя по многочисленным дверям, за ней скрывались, скорее всего, рабочие помещения. Трофимов разглядел каркасы потолочных

перекрытий, поверх которых ничего, кроме ламп дневного освещения и вентиляционных отводов, врезанных в центральную магистраль. Сейчас освещение было выключено, горел только свет в центре цеха.

Трофимов спрыгнул на пол. Чтобы освободить товарищей, понадобится лом или металлическая труба. Дойдя до ворот и не найдя ничего подходящего, Николай прислушался и пошел в обратном направлении. Наконец нашел подходящий обрезок швеллера. Он лежал сверху пачки листового металла – такого же, как и в вагоне.

Удалось наконец-то приподнять лист настолько, чтобы пленники по одному сумели выбраться наружу. Но только для того, чтобы сменить один плен на другой. После осмотра помещения они поняли, что самостоятельно выбраться из закрытого цеха не смогут.

3

Все двери, ведущие в рабочие помещения, оказались закрытыми. Зато сверху в них можно было попасть беспрепятственно. Единственной незапертой оказалась дверь, ведущая в кабинет начальника этого, скорее всего, типографского цеха. Стеллажи из светлого пластика, заставленные гроссбухами и папками с документацией, оргтехника, холодильник, телевизор в углу. На столе, справа от телефона, сложенный вдвое широкий лист бумаги, испещренный какими-то записями, непонятными символами, заштрихованными прямоугольниками и одной и той же залихватской росписью. Так расписываются чисто машинально, не думая, например во время долгого телефонного разговора.

Кисин открыл дверцу холодильника. Свело скулы от вида початой палки «колбасного», с коричневой прокопченной корочкой сыра, пачки сливочного масла, бутылки кетчупа и баночки горчицы. Металлической линейкой, обнаруженной в ящике стола, они нарезали сыр. Намазывали его маслом, поливали кетчупом и отправляли в рот.

Ирине уступили место за столом. Она ела, непроизвольно разглядывая записи, сделанные на странной, с виду ворсистой и в тоже время восковой бумаге. Появилось чувство, что она неоднократно видела эту бумагу: с едва различимыми полосками, пересекающими ее сверху донизу, еле приметной бугристостью или тиснением. Она напрягла память, отложив недоеденный кусок сыра и поднеся лист к настольной лампе. Вглядевшись внимательней, поняла, что эта бумага пусть не напрямую, но косвенно связана с ее задержанием в Верхних Городищах.

– Парни, – тихо сказала она, глядя перед собой, – лучше бы нам не попадать сюда.

Глава 7
Прерванная связь

1

Пленники обследовали одно помещение за другим. Первое, считая от ворот, оказалось складом готовой продукции: буклеты, инструкции, ярлыки, рекламные проспекты с изображением сертификата качества и броской надписью под ним: «Продукция «Багратион». Высокое качество. Рассекреченные военные технологии». В остальных комнатах стояло типографское оборудование: большинство по виду отечественное – без маркировок, и пара станков немецкой фирмы.

Всюду они натыкались на продукцию, выпущенную под маркой «Багратион». В кабинете начальника телефон был именно этой фирмы, электрочайник, который по виду не уступал импортному, портативная радиостанция размером с пачку сигарет. В ящике стола нашлась накладная на листовое железо, адресованное ЗАО «Багратион». А в деревянных ящиках этого кабинета, обернутые в вощеную бумагу и слой полиэтилена, находилась продукция иного рода: миллионы фальшивых долларов.

– Они что теперь, доллары штампуют в открытую? – Трофимов в двадцатый раз рассматривал на свет купюры, взятые им из незакрытого ящика.

– А ты свяжись с ними по телефону или по рации.

Игорю Заботину не давала покоя мысль о контейнерах. Он снова влез в вагон, бестолково оглядел пачки листового железа; под верхними пачками – насколько позволяло промежуточное пространство, тоже ничего похожего на контейнеры.

Ему сверху был хорошо виден весь цех, и Заботин увидел точно такую же пачку металла, лежащую у предохранительного каркаса тупика. Вроде бы ничего особенного, но верхний лист был сдвинут, и один его край образовывал сторону чернеющего почти по центру треугольника. Игорь прищурился: похоже на углубление. Когда оказался рядом и сдвинул лист в сторону, действительно увидел углубление. Не считая первого и, наверное, последнего листа, в остальных были вырезаны прямоугольные отверстия. Все это напомнило ему тайник в обычной книге, когда вырезаются страницы, не затрагивая кромок. А внешне ничего не говорит о том, что внутри может что-то скрываться.

Теперь Заботин почти не сомневался, что пусть не все, но часть пачек листового металла, находящаяся сейчас в вагоне, есть не что иное, как контейнеры, о которых упомянул властный голос военного. Вряд ли это верхние пачки, скорее всего, наверху настоящие, а бутафория снизу.

Игорь внимательно осмотрел лежащий у его ног металл. Все листы, кроме верхнего, были прихвачены между собой точечной сваркой; работа была выполнена классным специалистом: места сварки едва просматривались. Мало того, прихваченные места были сделаны не на одной стороне, а разбросаны по всем четырем: где у самых краев, где ближе к центру, а где посередине. Незаметно даже при тщательном осмотре.

– Неплохо придумано, а? – гордый собой, Игорь гнал с лица самодовольную улыбку, показывая товарищам результат своих умственных усилий. – Мало того что металл, который и так не вызывает подозрений, так еще и в полувагоне, не имеющем крыши. Все на виду, потому и не вызывает подозрений. В таких контейнерах что угодно можно возить. Только в этот раз, видно, у сварщика рука дрожала, плохо прихватил нижний лист. Серега был бы жив.

– Надо валить отсюда, – в который раз повторился Кисин.

– Мужики! – Обращаясь ко всем сразу, Заботин смотрел почему-то на Ирину. – Допустим, из цеха мы выберемся... – и вопросительно замолчал.

Остальные тоже молчали, может быть, невольно отдавая должное его сообразительности и ожидая продолжения.

– Выберемся мы из цеха, – продолжил он, – а как будем с территории завода выбираться? Когда его рассекретили и рассекретили ли полностью, вот в чем вопрос? Охрану никто не снимал, колючую проволоку и сигнализацию с забора тоже вряд ли убрали. Не дай бог, собак оставили. Нет, в вонючем вагоне мне было спокойней.

– Вот это Серега Каменев вызволил нас из тюряги! – Кисин выругался.

– Мы покойника всей гурьбой лапали, – вспомнил Николай, – а руки не мыли. А Мишка даже целовался с ним. Слазить за автоматами, что ли?

Опасаясь нарваться на очередную грубость Кисина, Трофимов полез в вагон. Он подумал, что оружие придаст лично ему больше уверенности.

– Надо было на станции объявляться, – пожалел Ирина, принимая от товарища пистолет, – когда железнодорожники наш вагон отцепляли. Мишка был прав.

Себе же она призналась, что в трусости Кисина было благоразумие. Все они в то время боялись, но Кисин боялся *по-особенному*, словно предчувствовал, что наживут они еще больше неприятностей.

И снова перед глазами Ирины возникло невозмутимое лицо Сергея Каменева. Язык не поворачивался помянуть покойника плохим словом. Сергей говорил беглецам о свободе и ее разновидностях, о том, что быть в бегах – это не просто выйти на свободу. По его словам выходило, что завоеванная свобода особенна дорога. Он говорил вдохновенно, будто не чувствовал ответственности за смерть полутора десятка солдат и милиционеров.

В такие минуты он казался маньяком, свихнувшимся в тюремной библиотеке за чтением специальной литературы. Но снова и снова беглецы замечали, как меняется выражение его глаз, едва он, меняя тему, а иногда и в продолжении ее упоминал своих родственников, делая упор на то, что его попутчики – соучастники преступления. И, словно предчувствуя неладное, наставлял: *беглецам в случае чего следует укрыться на кордоне*.

– Брат никогда не выдаст ни меня, ни того, кто придет по моей рекомендации.

2

Ирина словно не замечала, что долгое время смотрит на телефон и мысленно крутит диск этого допотопного аппарата. Чей номер она набирает, чей голос жаждет услышать? Отца, матери? Нет, она покачала головой, родители отошли на второй план. Потому что впервые, наверное, не смогут помочь ей? Наверное, да. Позвонить в милицию – смешно.

На столе перед ней документы, которые она внимательно изучила. Этот режимный объект находился в ведении Министерства обороны. Тогда как его охрану осуществляло подразделение из другого ведомства – 8-е Главное управление МВД[1]. Об этом говорили транспортные накладные, наряды и прочие документы. Здесь совершались преступления. Но в какой форме? Совместно ли? Ирина пришла к четкому выводу – нет. Руководство военного предприятия не имело представления о кражах и подпольном цехе. Подтверждения тому – «неучтенка». Это готовая к отправки в контейнерах продукция «Багратиона»: спутниковые телефоны, навигаторы, носимые радиостанции. Контрабандную продукцию можно было назвать мелочевкой – если сравнивать ее с нешуточным производством фальшивых долларов и акцизных марок. Руководство не станет мелочиться, чтобы не попасться на более прибыльном деле.

Но как выйти на «высшее» руководство этого завода, когда не видно выхода даже из одного цеха.

В милицию, какой бы высший чин ни ответил ей, обращаться бесполезно. Одно из подразделений 8-го управления – часть всесильного МВД. Внутри этого котла кипят свои страсти, наружу вырывается лишь невидимый взгляду пар. Кто остается?

Снова пристальный взгляд на телефон.

Ирина решилась и сняла трубку телефона. Прислушалась к дыханию Кисина, набрала код Самары, номер. Откашлялась. Слегка замялась, услышав женский голос:

– Слушаю вас.

– Извините, мне Дамира Игоревича.

– Можно поинтересоваться, кто его спрашивает? – Дальше женский голос прозвучал с менторскими интонациями: – Если мои часы не врут, а они не врут, сейчас шесть часов тридцать минут. Утра.

– Меня зовут Ирина Владимировна. Фамилия Андрианова. Я клиентка Дамира Игоревича. Скорее всего, врут мои часы, и показывают они один час тридцать одну минуту. Дня.

Пауза.

– Одну минуту, Ирина Владимировна, я узнаю, свободен ли сейчас Дамир Игоревич.

Он оказался свободен. Не прошло и десяти секунд, как он ответил:

– Да?

«На», – мысленно дерзнула Ирина.

– Это Ирина. Мы встречались в моей квартире, где вы обратили внимание на мою кровать.

– Я узнал вас. Чего вы хотите?

– Вы адвокат, не я. Может быть, мне помогут ваши консультации, советы.

– Ближе к делу, пожалуйста.

– Меня угораздило попасть на режимное предприятие, где штампуют фальшивую валюту. Вы адвокат, – повторилась она. – Из бывших военных. Вы знаете, к кому обратиться за помощью. Если хотите, я нанимаю вас за пачку фальшивых «франклинов». Не вешайте трубку.

---

[1] Охрана и обеспечение безопасности секретных объектов.

Ирина скороговоркой объяснила положение вещей. Во время разговора больше упирала на тот факт, что является свидетельницей преступлений и носителем информации, что в общем и целом поможет раскрыть целую серию тяжких преступлений.

– Я требую гарантий, – несмело закончила она.

– Так, где вы сейчас?

– На заводе. – «Вот тупица!» – ЗАО «Торговый дом «Багратион».

– Как вы туда попали?

– Не поняли еще? Я же говорила: по вашей милости. А еще по милости Сергея Каменева. Алло? Алло? Идиот! Сволочь, бросил трубку!

Ирина тихо выматерилась: рассказала все, кроме одной вещи – смерти Сергея.

Минутой позже она представила Дамира Гурари на пути к главку. Большой милицейский чин приветливо встречает его...

3

Дамир прошел в спальню. Покачав головой, направился в кабинет. Устроившись за рабочим столом, он развел руками: «Какого черта она бросила трубку?» Когда позвонила Ирина, он еще не завтракал, не вставал с постели. Только сейчас отметил время: без четверти семь. «Отличное начало дня», – проворчал он, раскуривая натощак трубку. Поначалу он, услышав голос Ирины, рассчитывал нарваться на грубость, оскорбления, забыл о свежей информации. Почти все новостные каналы начинали вещание с одной новости: расстрел караульных, побег особо опасных преступников и захват заложников в Верхних Городищах. Эти новости прошли бы мимо, если бы не упоминание в очередном репортаже знакомой фамилии.

Об Ирине Андриановой адвокат постарался забыть, но тому мешал сын, при взгляде на которого рядом невольно возникал облик Ирины. Становилось стыдно за себя, будто стоишь на пороге чужой спальни. Нет, жалко никого не было, ни сына, ни тем более его любовницу, просто стыдно, и все. И еще что-то, какая-то невидимая глазу червоточина. Впрочем вполне даже видимая, написанная бледными красками на лице сына.

– Ты выгнал ее, да?

– Просто посоветовал ей уехать.

– Это не одно и тоже?

– Сядь, поговорим спокойно.

– Я не могу говорить спокойно, когда влезают в мою жизнь!

– Ты забыл добавить «кто-то».

– Пожалуйста: «кто-то».

– Но этот кто-то твой отец. Пока еще я имею право влезать, как ты выразился, в твою личную жизнь. Пока не закончишь институт.

– Да?..

– Да, – ответил Дамир, словно передразнил сына. – Твоя Ирина уже имя твое забыла.

– Зато не забудет моего отчества.

Дамир не нашел ответа.

Первый серьезный разговор на серьезную тему. Может, раньше надо было вести какие-нибудь профилактические разговоры? Но обстоятельства и дети меняются так быстро.

Теперь встал еще один вопрос: говорить Игорю о происшествии в Верхних Городищах или нет. Сказать – станет приставать с глупыми просьбами: помоги.

Чем?

Пару дней назад ответил бы: «Могу нарочным послать ей еще тысячу». А сейчас после двух-трех незапланированных разговоров с сыном призадумался и не мог найти ответа.

Дамир открыл справочник и нашел там реквизиты генерал-майора Даньшина, проходящего службу в войсковой части 44388 – Главное разведывательное управление Генштаба. Они были ровесниками. Оба окончили военную академию. Только Гурари вовремя «сменил ориентацию» и к нынешнему моменту считался продвинутым адвокатом.

– Юрий Сергеевич? – приветствовал он своего давнего знакомого, взявшего трубку в Москве. – Гурари тебя беспокоит. И в первую очередь хочет спросить: не рано ли? Правда? А я не помню, когда последний раз делал гимнастику. Когда, где и с кем я смогу поговорить о книге под названием «Военно-криминальный роман»? Да, разговор серьезный. Надеюсь на это. Хочу спасти одного человека. – Дамир посмотрел на часы. – Через двадцать минут? Как его зовут и кто он по званию? Ага, Бондаренко, полковник, начальник разведотдела 2-й армии.

* * *

Михаил Бондаренко отметил время, а заодно и пунктуальность Дамира. Он сам открыл заднюю дверцу служебной «Волги» и подвинулся на заднем сиденье.

– Трогай, Толя, – отдал полковник распоряжению водителю.

– Покатаемся по городу, Михаил Сергеевич?

– Может, затронем и пригород, – тихо рассмеялся Бондаренко. И дальше обращался только к адвокату.

Гурари не стал ничего скрывать от начальника разведотдела. Тем более посчитал семейную историю не рядовым случаем и уже начал расширять круг посвященных в нее.

Бондаренко слушал его внимательно. Пару раз прервал адвоката, связавшись с кем-то по телефону.

Гурари заметил:

– Вижу, вы ничего не записываете.

– Я все запоминаю.

Через двадцать минут водитель остановил машину напротив подъезда. Бондаренко остался верен своей привычке и, прощаясь, не вышел из машины.

– Спасибо за встречу, Дамир Игоревич, – поблагодарил полковник нового знакомого. – Я обязательно свяжусь с вами. Не обещаю держать вас в курсе событий. Вам-то это зачем?

«Действительно, незачем», – согласился Гурари, глядя вслед служебной машине.

– В штаб, – отдал очередное распоряжение Бондаренко, – потом в аэропорт.

4

Москва

Начальник оперативного управления ГРУ генерал-лейтенант Даньшин собрал срочное совещание, на которое пригласил двух своих помощников, старших оперативных офицеров и срочно прибывшего из Самары полковника Бондаренко. Самолично зачитал оперативные сводки из Верхних Городищ, получил первичные данные о том, кто ведет «городищенское» дело.

– Все сходится, – наконец подытожил он, – за исключением одной вещи. Оперативные группы не знают местонахождения беглецов, мы же в пределах человеческой погрешности можем указать место с точностью до метра.

К этому времени уже начали стекаться данные на «Багратион». Даньшин читал сам, передавал бумаги подчиненным, и наоборот. Выругался:

– Черт знает что! Военный завод, пусть он даже частично акционировался и назвался «домом», выпускает продукцию по рассекреченным технологиям. Но охрану несет милицейское управление. Под началом... – Он нашел в бумагах имя начальника охраны, – Майора Страхова. Соображения, – потребовал он от подчиненных.

Слово взял старший оперативный офицер Евгений Пахомов в чине подполковника.

– Сергей Каменев, Ирина Андрианова, еще трое военнослужащих находятся сейчас на режимном объекте. Считаю, что выхода оттуда у них нет. Согласно вашим данным, товарищ генерал, утром в цехе соберется куча народа.

– Я говорил о трех людях.

– Тем более. А наши беглецы вооружены, – напомнил Пахомов. – Мы не сможем предупредить начальника цеха, начальника охраны объекта, потому что они руководят подпольным цехом по изготовлению фальшивых долларов. Ввести их в курс дела, означает, помочь преступникам замести следы и провалить то, что вот сейчас рождается в этих стенах: спасение трех военнослужащих и одного гражданского лица. Рецидивиста Каменева я опускаю. Нам ничего другого не остается, как ждать. Если четверка беглецов сумеет выбраться из режимного объекта, честь им их хвала. Если нет...

– Честь и хвала майору Страхову, – продолжил генерал. – Что же, будем ждать развития событий. Они нам подскажут дополнительные имена людей, замешанных в преступлениях в Ленинске.

Даньшин выпил минералки и продолжил.

– Меня насторожило вот что – Ирина Андрианова звонит адвокату. Я переведу: заложница налаживает связь с внешним миром. Причем беседа с адвокатом затягивается, а прерывается буквально на полуслове. Напрашивается вывод: во время разговора рецидивист Каменев, милостью которого заложники оказались в подпольном цехе, отсутствовал. Не он ли оборвал связь, появившись внезапно? Не расправился ли с Ириной? Нет ли связи Сергея Каменева с «цеховиками»? Эти и другие вопросы нам и придется решать.

– Будем ставить в известность руководителей оперативных и следственных групп? – спросил Пахомов.

Генерал утвердительно покивал:

– Хотя бы для того, чтобы посмотреть на результаты нашего запроса. Собственно, нас заинтересует реакция руководства МВД, а мы, не раскрывая всех карт, определим, аллергическая ли она... Что еще дает нам этот шаг? – вопросительно приподнятые брови генерала говорили: «Давайте подумаем вместе».

Слово снова взял Евгений Пахомов. Остальные старшие оперативные офицеры помалкивали и, пряча улыбки, косились то на товарища, то на шефа. То ли сам Пахомов нарвался

вести это дело, то ли генерал выбрал его из ряда опытных оперов – подполковников и полковников.

– Поставив в известность руководителей следственных групп, мы заставим их объединить все дела в одно производство. Сами они вряд ли это сделают, потому что им выгодно вести несколько дел. Они раскроют их. Доклад их будет долог – десятки оваций...

– Посерьезней, Женя, – перебил Даньшин.

– Извините, товарищ генерал. Одно производство означает: расстрел караула, побег заключенных, «монетный двор» в «торговом доме». Стимулируем их и посмотрим на их реакцию.

– Договорились, стимулировать МВД будешь ты.

Генерал продолжил:

– Мы не можем позволить любым охранным структурам любых государственных министерств и ведомств бесчинствовать на наших военных объектах. На «Багратионе», кстати, ведется отладка спутниковой и навигационной связи. За работу, друзья, – улыбнулся Даньшин. – Поднимайте на ноги наших людей в МВД и ФСБ, требуйте от них любой информации, касающейся этого дела. К обеденному перерыву у меня на столе должно лежать досье на Сергея Каменева: его связи на зонах, родственные, дружеские и прочее. Привычки, пристрастия. И пусть это одно и то же. Кстати, мы еще не дали название проекту.

– Может быть, что-то производное от фамилии майора Страхова, – предложил Пахомов. – «Мыс страха». Мне нравится.

– Принято, – кивнул Даньшин.

Глава 8
Захват

1

Они затаились на складе готовой продукции. У них было два плана, и оба предложила Ирина. Был и третий вариант, но он отпал после того, как беглецы обследовали весь цех и убедились, что бежать из него невозможно. Небольшие окна находились на высоте двух с половиной метров и были снабжены датчиками. Провода датчиков – не два, как обычно, а пять – уходили к распределительным коробкам и окончательно прятались от взора в закрытом и опломбированном щитке. Именно обилие проводов заставило беглецов отказаться от рискованной затеи выбраться через окна.

Трофимов умудрился забраться по вертикальной вытяжной трубе под самую крышу в надежде, что отверстие под центральную трубу окажется достаточно широким, но обжимки вплотную прилегали к основному отводу и были стянуты изнутри и снаружи длинными болтами.

Вообще, в этом цехе не было ничего секретного, относящегося к закрытым технологиям. Отсюда, наверное, и отсутствие пломб на дверях внутри здания и потолочных перекрытиях над рабочими помещениями, кабинетами и складом.

Прежде чем окончательно обосноваться на складе, Трофимов молотком загнал язычок внутрь замка и прикрутил его на место. Чтобы оперативно выбраться со склада, достаточно было толкнуть дверь и оказаться прямо у ворот, в одной из створок которых была вмонтирована входная дверь.

Они ждали утра, когда в цех придут, судя по словам майора, три человека. Только три. А беглецов – четверо, и они основательно вооружены. Они знали, с кем им придется иметь дело. Это их успокаивало и беспокоило одновременно.

Под самым потолком обнаружилась небольшая щель, через которую хорошо просматривался подсвечиваемый дежурным светом участок, представляющий собой асфальтированную площадку. Обзор заканчивался там, где проходили рельсы. Но прямо перед собой беглецы могли видеть еще и пустырь с пожухшей лебедой, за которым открывалось еще одно здание ярко-коричневого цвета, окруженного по периметру ограждением с колючей проволокой и люминесцентными лампами на столбах. Был бы жив Сергей Каменев, он бы сказал, что это «локалка» – охраняемая зона внутри другой охраняемой зоны. И таких зданий на территории режимного предприятия насчитывалось несколько десятков.

2

Алексей Страхов снял пломбу, которую в отсутствие начальника цеха позавчера лично повесил на контрольный замок. На пульте электронного замка набрал код, предварительно отключив сигнализацию. Оказавшись в типографском цехе, он прошел в кабинет начальника, уселся за стол и бросил взгляд на часы: пришел без опозданий, как и договаривались.

Он любил порядок во всем. Дисциплина в его подразделении была на должном уровне, однако он не мог добиться того же от своих компаньонов. Они не подчинялись ему, но договоренность накладывала определенный отпечаток на их отношения. Он мог потребовать от них соблюдения элементарного уважения друг к другу, к делу, которое их связывало.

Страхов снял трубку телефона и набрал номер начальника типографского цеха. С видимым неудовольствием приветствовал его жену; разбуженная ранним звонком, она с неприкрытым раздражением отвечала взаимностью.

В ожидании Алексей машинально взял со стола авторучку. Нахмурился. Пришло легкое беспокойство; и оно усиливалось, так как майор не мог найти причину своему тревожному состоянию.

Странно или нет, но вчера поздно вечером он испытал нечто подобное и не мог понять, отчего хмурится. Но в таком состоянии он пребывал недолго, вспомнив вдруг, что забыл закрыть кабинет начальника типографии.

Алексей не боялся проникновения в цех посторонних. Во-первых, выходные, и на заводе никого нет, не считая охраны, пожарной команды, кое-кого из транспортников и десяти рабочих из термического цеха, следящих за работающими печами, и ответственного. Последний, как правило, из администрации и смену проводит в той же термичке.

И сейчас майор переживал что-то похожее. Может, отголоски вчерашнего беспокойства?..

Страхов взял с края стола образец нового рекламного проспекта, перевернул его и по привычке стал черкать на нем ручкой. Вывел клюв птицы, под ним нарисовал человеческие губы, украсил их бородой и усами, жирно заштриховал. Расписался, еще раз поставил свой узнаваемый росчерк, услышал в телефонной трубке голос Селянина, сообщившего, что с вечера у него поднялась температура, и появится он только через час-полтора.

Прежде чем сорваться на компаньона, Страхов отшвырнул авторучку.

– Ты можешь вообще не приходить! Я не директор завода, чтобы выслушивать твои оправдания.

Раздражение на Селянина схлынуло незаметно и безболезненно. Фактически начальник типографии сейчас не нужен, если, конечно, Сафиуллин, разработчик технологии по изготовлению фальшивых долларов, соизволит явиться вовремя. То же самое относилось к мастеру отделения холодных штампов, граверу и лаборанту. Обычно технолог исполнял роль стропальщика, цепляя тросом пачки металла, а мастер или лаборант разгружали их с помощью тельфера. Загрузив товар, мастер прихватывал электросваркой верхние листы контейнеров, и их снова водворяли на место. К этому времени всегда были готовы товарно-транспортные накладные и заявка. Страхов отдавал распоряжение охране без задержек выпустить прицепленный к локомотиву вагон, и на этом вывоз фальшивок с завода заканчивался.

Алексей покинул контору, прошелся по пустующему в этот день цеху. Сегодня отправятся в путь восемь контейнеров с продукцией, которая за вычетом накладных расходов принесет прибыль в семь с половиной миллионов долларов – самая крупная сделка за последнее время, и, как всегда, экспериментальная партия электроники: мобильные и радиотелефоны,

новейшие образцы сигнализации и прочее, что в столице шло на ура. Для внеплановой упаковки подделок пришлось изготовить еще один контейнер, который находился в конце цеха.

На режимном заводе работали мастера своего дела, за последние год-два отдел кадров практически бездействовал: ничтожный процент увольнений и приема на работу. Исключение – классные программисты. Отдел сбыта разделился, одна его часть стала самостоятельной и носила название «Торговый дом «Багратион». Начала она свою деятельность с обычного воровства, которому предшествовало снятие с продукции предприятия всевозможных грифов секретности. Затем торговый дом на полную мощность задействовал технологические и производственные возможности режимного завода, решая как собственные задачи, так и производственные.

Предложение Михеева – пятнадцать процентов от номинала – устроило всех. Но в столице доллары шли за тридцать процентов от номинала. Лично Страхов не собирался подсчитывать прибыль московской команды, которая ухватилась за выгодное предложение, едва взглянув на то, что им предложили. На заводе рассекреченных технологий нашлось все необходимое оборудование, включая краску, бумагу, защиту. Но особенность технологии заключалась в том, что номера на банкнотах менялись во время производственного процесса.

* * *

Страхов остановился возле вагона с контейнерами. Обычно он все рассчитывал так, чтобы вагон с контейнерами приходил под выходные. В этот раз из-за забастовки на железной дороге контейнеры прибыли с опозданием в шесть дней, и это событие пришлось на поздний вечер пятницы, когда рабочих в цеху уже не было. Страхов распорядился насчет груза, и вагон загнали на завод, едва состав прибыл на станцию.

Вчера Алексей не заметил торчащего сверху швеллера. Или не обратил на него внимания. Сейчас же смотрел на него с недоумением, и родившаяся несколькими минутами раньше тревога усилилась. Майор легко взобрался на вагон и с минуту созерцал странную картину. До него не сразу дошел запах тления, который к этому моменту стал достаточно резким. И дело не в обонянии майора милиции, а в ступоре, из которого он самостоятельно, казалось, не мог выйти.

3

Обзор из обнаруженной у потолка щели был ограниченный и не позволял рассмотреть дорогу, ведущую к типографии. Как на ладони был виден пустырь и часть «локалки». И вот совершенно неожиданно вслед за едва различимым рокотом двигателя почти вплотную к цеху припарковался полноприводной «труппер» красного цвета, и из него вышел знакомый уже майор, но в гражданской одежде – рубашка с карманами и свободные брюки. Повозившись с замками, он вошел в типографию.

– Кто-то пришел, – свистящим шепотом сообщил Кисин, прильнув к чуть приоткрытой двери.

– Что там? – спросила девушка, пытаясь оттеснить солдата, чтобы взглянуть самой.

– Черт! Полез на вагон, – докладывал Кисин, дергая плечом и не уступая Ирине место. – Похоже, труп Сереги Каменева разглядывает. Все, надо рвать отсюда.

Михаил распахнул дверь и двинулся к выходу. И вынужден был вернуться. Потянув к себе автомат, еле слышно прошептал:

– Там еще один. Меня заметил.

Ему бы вместо автомата подержать дверь, которая медленно открывалась, в проеме показалась фигура человека.

Кисин находился ближе к двери, он встретился с внимательным взглядом незнакомца, и по его телу прокатилась волна дрожи, словно давая импульс лежащему на спусковом крючке пальцу.

* * *

У Павла Суркова было хорошее настроение, несмотря на то что голова с похмелья слегка кружилась. Проходная была закрыта, и Павел постучал в дверь, держа наготове пропуск и разрешение на вход на территорию объекта, выписанное лично Страховым.

– Что вы тянетесь по одному? – недовольно пробурчал контролер Неверов, предупрежденный начальником, что в районе восьми утра должны прийти три человека.

Павел прошел мимо первого корпуса. Непривычная тишина: работающий мотор вытяжки, вынесенный на улицу, не издавал ни звука. Корпус мерительных инструментов – такое же затишье. Отделение станков с числовым программным управлением так же хранило молчание.

Тишина, на всей территории завода тишина.

«Зловещая», – улыбнулся про себя гравер.

Остался позади так называемый «инженерный» цех, вход в который был по особым пропускам, и огромное здание цеха ширпотреба, где собирались бытовые электроприборы; впереди заброшенная стройплощадка, а за ней – типография.

«Выходит, я пришел последним», – рассудил Сурков, припомнив слова контролера.

Он был в двадцати метрах от здания, когда вдруг открылась дверь, выпуская незнакомого человека. Павел даже не сумел разглядеть его как следует, тот быстро скрылся за дверью.

Павел открыл дверь. Она подалась бесшумно, только прикрепленная снизу резина еле слышно прошуршала по бетону.

Казалось, в цеху никого нет. Однако в самом конце его гравер различил фигуры Страхова и «примкнувшего» к нему технолога по фамилии Сафиуллин. «Не терпится майору, даже не переоделся. Однако, куда делся тот парень?»

Справа чуть приоткрытая дверь склада. Павлу показалось, что она тихонько приоткрывается.

Ничего непонятно.

* * *

Верхний свет позволил Страхову рассмотреть множество следов; а то, что он увидел дальше, наклоняясь и заглядывая в образовавшийся отсек, заставило его резко отпрянуть. Он вздрогнул, когда в абсолютной тишине прозвучал довольно громкий голос:

– Привет, Алексей! – И Сафиуллин продолжил: – Решил поработать стропальщиком? Погоди, сейчас я включу тельфер.

– Лезь сюда, – вместо приветствия глуховатым голосом отозвался Страхов. – Кажется, у нас серьезные проблемы.

– Украли контейнеры? – Жизнерадостный технолог не хотел разделять обеспокоенности шефа. Он присоединился к Алексею, потянул носом воздух и подозрительно покосился на майора. – Ты только за этим меня позвал? В следующий раз...

– Следующего раза долго не будет, – перебил его Страхов и указал на отсек: – Там труп.

– Там – кто?..

Сафиуллина передернуло, когда он, держась за швеллер, перегнулся и заглянул внутрь. Едва сдерживая подкатившую к горлу тошноту, технолог выдавил:

– Что будем делать, Алексей?..

– Не знаю, – честно признался майор. – Нужно поставить в известность Михеева. Мы не сможем отправить товар, пока не узнаем, чей это труп и как он тут оказался.

Страхов еще не пришел в себя. Он смотрел на швеллер, которого еще вчера не было на этом месте, и упорно не хотел замечать его. А железяка прямо указывала на то, что в вагоне приехал не только мертвец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.